

Предводитель волков. Вампир (сборник)

Автор:

Александр Дюма

Предводитель волков. Вампир (сборник)

Александр Дюма

Что сильнее – любовь или смерть? Какие силы и страсти руководят человеком в жизни? Что перетянет чашу весов – любовь к себе или ответственность перед Богом и людьми? И, оступившись, можно ли подняться?

В поисках ответов герои мистических произведений Александра Дюма идут тяжелыми, порой невероятно страшными путями...

Александр Дюма

Предводитель волков. Вампир

© Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», перевод и художественное оформление, 2008

Никакая часть данного издания не может быть скопирована или воспроизведена в любой форме без письменного разрешения издательства

Предводитель волков

Кто такой Мокэ и как эта история стала известна тому, кто ее рассказывает

I

Отчего в течение первых двадцати лет моей литературной жизни, то есть с тысяча восемьсот двадцать седьмого по тысяча восемьсот сорок седьмой год, мой взор и память так редко обращались к городку, в котором я родился, к окружающим его лесам и расположенным по соседству деревням? Отчего мне казалось, что юность исчезла и словно скрылась за облаком, а грядущее представлялось ясным и сияющим, совсем как волшебные острова, которые Колумб со спутниками приняли за плывущие по морю корзины с цветами?

Увы! Все оттого, что первые двадцать лет жизни твоим проводником является надежда, а последующие двадцать – действительность.

С того дня, когда усталый путник выпускает из рук посох, расстегивает пояс и усаживается на обочине... именно с этого дня он обращает взор к пройденному пути, а оттого, что грядущее туманно, начинает всматриваться в глубины прошлого.

Тогда, уже почти погрузившись в бескрайнее море песка, ты вдруг с удивлением замечаешь, что позади остались чудесные тенистые, все в зелени островки, мимо которых ты прошел не только без интереса, но и почти их не заметив.

В то время ты шел так быстро! Так спешил к тому, чего не достичь никогда... к счастью!

Именно тогда ты замечаешь, что был слеп и неблагодарен; именно тогда говоришь себе, что если когда-нибудь вновь встретишь эти зеленые рощицы, то проведешь там всю оставшуюся жизнь – соорудишь шалаш и окончишь там свои дни.

Но телу нет возврата к прежнему, и лишь памяти подвластно совершать это благоговейное паломничество и восходить к началу жизни – подобно легким ладьям под белыми парусами, что идут вверх по течению реки.

Потом тело продолжает свой путь; но тело без воспоминаний – как ночь без звезд, как лампа без пламени.

Поэтому тело и память следуют каждый своей дорогой.

Тело движется на ощупь к неизвестному.

Память – блестящий блуждающий огонек – порхает над следами, оставленными на пути; лишь она уверена, что не сойдет с дороги.

А потом, посетив каждый зеленый островок, подобрав каждое воспоминание, она вдруг возвращается ко все более утомленному телу и жужжанием пчелы, пением птиц, журчанием ручья рассказывает о том, что повидала.

И глаза путника загораются, на губах появляется улыбка, лицо проясняется.

Он не может возвратиться в юность, но так благодаря Провидению юность возвращается к нему.

И с тех пор ему нравится рассказывать вслух то, что память прошептала ему на ушко.

Разве жизнь была круглой, как земной шар? Разве, сам того не заметив, ты прошел по кругу? Разве по мере приближения к могиле ты стал ближе к колыбели?

II

Не знаю. Но знаю то, что произошло со мной.

При первой остановке на жизненном пути, при первом взгляде назад я рассказал историю Бернара и его дядюшки Бертелена, после – Анж Питу, его невесты и тетушки Анжелики, затем – парня по прозвищу Консьянс Простодушный и его невесты Мариетты, потом – Катрин Блюм и отца Ватрэна.

Сегодня я расскажу историю Тибо, предводителя волков, и сеньора де Веза.

А теперь о том, как я узнал о событиях, которые вот-вот пройдут у вас перед глазами.

Сейчас я об этом скажу.

Вы читали мои «Мемуары» и, может быть, помните одного из друзей моего отца, некоего Мокэ?

Если и читали, то с трудом припомните этого героя.

Если не читали, то не вспомните и подавно.

И в том, и в другом случае важно, чтобы я представил вам Мокэ.

Первое, что я помню, то есть начиная лет с трех, – это небольшой замок Фоссэ, где я жил с матерью и отцом; он располагался на границе департаментов Эн и Уаза, между Арамоном и Лонпрэ.

Небольшой замок назывался Фоссэ; несомненно, из-за того, что был окружен огромными рвами, заполненными водой.

Я не упоминаю о сестре; она жила в пансионе в Париже, и мы видели ее лишь месяц в году, то есть на каникулах.

Помимо отца, матери и меня в доме жили:

1. Большой черный пес по кличке Нос, который пользовался привилегией бывать где заблагорассудится, поскольку стал моим любимым верховым животным.

2. Садовник по имени Пьер, который запасал для меня лягушек и ужей – живых существ, которые меня чрезвычайно интересовали.

3. Негр по имени Ипполит, камердинер моего отца, своего рода черный Жокрис, чьи наивные высказывания превратились в крылатые выражения и которого мой отец держал, чтобы пополнять свою коллекцию занятных нелепиц, которые можно было с успехом противопоставлять бессмыслицам Брюнэ.

4. Сторож по имени Мокэ, которым я восхищался, потому что каждый вечер у него находились все новые истории о привидениях и оборотнях – истории, которые прерывались с появлением «генерала», как называли моего отца.

5. Наконец кухарка, откликающаяся на имя Мари. Последняя совершенно теряется в тумане моей жизни: я слышал, что так называли кого-то, кто отразился в моем сознании весьма смутно и, насколько могу припомнить, не отличался ничем хоть сколько-нибудь поэтическим.

Впрочем, сейчас нам есть дело лишь до Мокэ.

Попытаемся представить его внешность и характер.

III

Мокэ был мужчиной лет сорока, коренастым коротышкой с широкими плечами и крепкими коленями. У него была почерневшая от загара кожа, маленькие пронизательные глазки, седоватые волосы и черные бакенбарды, окаймляющие лицо и спадающие на шею.

Из глубин моих воспоминаний он появляется в треуголке, зеленой куртке с посеребренными пуговицами, в коротких вельветовых штанах, грубых кожаных крагах, с охотничьей сумкой через плечо, с ружьем в руках и короткой трубкой-носогрейкой во рту.

Остановимся на мгновение на этой носогрейке.

Она перестала быть принадлежностью Мокэ и превратилась в неотъемлемую часть его тела. Никто не мог сказать, что когда-либо видел Мокэ без нее.

Если совершенно случайно носогрейки не было у Мокэ во рту, она была у него в руке.

Эта носогрейка, которая непременно сопровождала Мокэ в самых густых чащах, ни в коем случае не должна была быть там утеряна. Потеря ее стала бы для Мокэ утратой, боль от которой могло притупить лишь время.

Мундштук трубки Мокэ никак не превышал пяти-шести линий, и три из них – спорю на что угодно! – были не толще птичьего пера.

Привычка не расставаться с трубкой, которая как в тисках была зажата между четвертым резцом и первым коренным зубом слева и почти полностью вытеснила оба клыка, выработала у Мокэ другую привычку: разговаривать, не разжимая зубов, что придавало всему, что он говорил, специфический оттенок упрямства.

Это становилось еще заметнее, когда он почему-то вынимал трубку изо рта и уже ничто не мешало его челюстям сжиматься и разжиматься, но и тогда слова, казалось, едва просачивались и вместо них выходило какое-то шипение.

Вот так выглядел Мокэ.

Несколько следующих строчек покажут, какой у него был характер.

IV

Однажды ранним утром Мокэ вошел в комнату моего отца, когда тот был еще в постели, и встал перед ним, словно указательный столб на перекрестке.

– Что скажешь, Мокэ, – спросил отец, – чему я обязан счастьем видеть тебя в такую рань?

– Тому, мой генерал, – серьезно ответил Мокэ, – что я окошмариваюсь.

Мокэ, ничтоже сумняшеся, обогатил язык новым глаголом.

– Ты окошмариваешься? Ого-го! – воскликнул отец, приподнимаясь на локте. – Это серьезно, милый.

– Вот так-то, мой генерал.

И Мокэ вынул трубку изо рта, что делал в исключительных случаях.

– И давно ты окошмариваешься, мой бедный Мокэ? – спросил отец.

– Вот уже неделю, мой генерал.

– А кем, Мокэ?

– О, я прекрасно знаю, кем, – ответил Мокэ, еще более сжав зубы, потому что трубка была у него в руке, а рука – за спиной.

– Позволь, а можно ли и мне это узнать?

– Мамашей Дюран, из Арамона, она – не отрицайте! – настоящая ведьма.

– Если это и так, Мокэ, то я об этом не знал, уверяю тебя.

– О, зато я знаю! Я видел, как она отправлялась на метле на шабаш.

– Ты видел, Мокэ?

– Как вижу вас, мой генерал. А еще у нее есть черный козел, которого она очень любит.

– И зачем она тебя окошмаривает?

– Чтобы отплатить за то, что я видел, как она плясала в дьявольском хороводе на пустыре среди вереска за Гондревилем.

– Мокэ, дружище, это серьезное обвинение, и перед тем как объявить во весь голос то, что ты сказал шепотом, я советовал бы тебе собрать кое-какие доказательства.

– Доказательства! Скажи-ка! Разве не известно всем в деревне, что в молодости она была любовницей Тибо – предводителя волков?

– Черт возьми, Мокэ! С этим нужно быть поаккуратнее!

– Я-то аккуратен, а вот она точно мне отплатит, старая кротиха!

«Старая кротиха» было выражением, заимствованным Мокэ у своего друга Пьера-садовника, который, не имея большего врага, чем крот, называл так все, что ненавидел.

V

«С этим нужно быть поаккуратнее!» – сказал отец.

Вовсе не потому, что отец верил в кошмары Мокэ; даже не потому, что, допуская кошмары, он верил, что причина кошмаров его сторожа – мамаша Дюран, нет; но мой отец знал о предрассудках наших крестьян, знал, что верование в сглаз и порчу еще достаточно распространено в деревнях. Он слышал, как рассказывали о случаях мести со стороны околдованных, которые считали, что, лишь убив того или тех, кто их околдовал, можно разрушить чары. И сторож, поскольку он обвинил мамашу Дюран перед моим отцом, вкладывал в это обвинение некую угрозу – он сжал ствол ружья с такой силой, что мой отец счел за лучшее не противоречить Мокэ до тех пор, пока не сможет приобрести над ним достаточное влияние, чтобы тот ничего не предпринимал, не посоветовавшись.

Полагая, что время пришло, отец рискнул сказать:

– Но до того как она тебе оплатит, дорогой Мокэ, следовало бы удостовериться, что тебя нельзя вылечить от этого кошмара.

– Нельзя, – ответил Мокэ убежденным тоном.

– Как это «нельзя»?

– Нельзя. Я сделал даже невозможное.

– Что же ты сделал?

– Для начала я выпил вот такую чашку горячего вина перед сном.

– Кто тебе посоветовал это? Господин Лекосс?

Господин Лекосс был известным в Виллер-Коттре врачом.

– Господин Лекосс? – удивился Мокэ. – Еще чего! Разве он знает какое-нибудь средство от наваждения? Как бы не так! Нет, это не господин Лекосс.

– Кто же тогда?

– Пастух из Лонпрэ.

– Ну и негодяй! Большую чашку горячего вина! Ты, должно быть, был мертвецки пьян после этого?

– Половину выпил пастух.

– Теперь я понимаю, откуда рецепт. И чашка горячего вина не помогла?

– Нет, мой генерал. Той же ночью ведьма пришла и топталась по моей груди, словно я ничего и не делал.

– И что же еще ты предпринял? Мне почему-то кажется, что ты не ограничился чашкой горячего вина.

– Я сделал то, что делаю, когда хочу поймать лешего-зверя.

Мокэ пользовался собственной терминологией – его ни за что нельзя было заставить сказать «хищный зверь». Всякий раз, когда отец говорил «хищный зверь», Мокэ вторил: «Да, мой генерал, леший-зверь».

– Ты по-прежнему говоришь «леший-зверь»? – как-то поинтересовался отец.

– Да, но не из упрямства, мой генерал.

– Почему же тогда?

– Потому что, хоть я вас и уважаю, мой генерал, но вы ошибаетесь.

– Как это я ошибаюсь?

– Так; не говорят «хищный зверь», говорят «леший-зверь».

– Ну и что же означает «леший-зверь», Мокэ?

– Это означает зверя, который ходит только по ночам; это означает зверя, который пробирается на голубятню, чтобы душить голубей, как куницы; в курятник, чтобы душить кур, как лисицы; в овчарню, чтобы душить баранов, как волки. Это означает «зверь, который действует украдкой, лживый» – леший, короче говоря.

Определение было настолько логичным, что возразить было нечего.

Поскольку отец не отвечал, Мокэ, торжествуя, продолжал называть хищных зверей лешими, совершенно не понимая упрямства генерала, который по-прежнему называл леших-зверей хищными зверями.

Вот почему на вопрос отца «И что же еще ты предпринял?», Мокэ ответил: «Я сделал то, что делаю, когда хочу поймать лешего-зверя».

Мы прервали диалог, чтобы дать объяснения, которые вы только что прочитали, но между Мокэ и моим отцом, которому объяснения были не нужны, диалог продолжался.

VI

– А что ты делаешь, Мокэ, когда хочешь поймать хищного зверя? – спросил отец.

– Генерал, я поставил ловушку.

– Как! Ты поставил ловушку, чтобы поймать мамашу Дюран?

Мокэ не любил, чтобы слова произносили не так, как он. Он принялся за свое:

– Да, генерал, я поставил ловушку.

– И где ты ее поставил, свою ловушку? У двери?

Как видите, мой отец пошел на компромисс.

– Как же, у двери! – сказал Мокэ. – Разве она приходит через дверь, моя ведьмища? Она входит в комнату, а я понятия не имею, как.

– Через дымоход, быть может?

– Так его же нет; кстати, я вижу ее только тогда, когда чувствую на себе.

– Ты ее видишь?

– Как вас, мой генерал.

– И что она делает?

– О! Если уж говорить об этом, то ничего хорошего; она топчется у меня по груди: шлеп, шлеп, шлеп!

– Слушай, где ты поставил ловушку?

– Ловушку! Я ее поставил у себя на животе, где же еще!

– А какую ловушку ты поставил?

– О, знатную ловушку!

– Которую?

– Ту, что я когда-то сделал, чтобы поймать серого волка, который задушил овец господина Детурнеля.

– Не такую уж знатную, Мокэ, потому что серый волк съел твою приманку и не попался.

– Не попался – и вы знаете почему, генерал?

– Нет.

– Он не попался, потому что это черный волк Тибо-башмачника.

– Это не черный волк Тибо-башмачника, потому что ты сам уверял, что волк, который зарезал баранов господина Детурнеля, был серым.

– Мой генерал, это сегодня он серый, а во времена Тибо-башмачника, то есть тридцать лет назад, он был черным. И вот вам доказательство, мой генерал: тридцать лет назад я был черным как ворон, а сегодня седой, как Доктор.

Доктор был котом, которому я старался в «Мемуарах» уделить достаточно внимания, а Доктором кота прозвали из-за прекрасной шерсти, которой его одарила природа.

– Да, – сказал мой отец, – я знаю твою историю о Тибо-башмачнике. Но если черный волк – это черт, как ты говоришь, Мокэ, то он не должен меняться.

– Ваша правда, мой генерал; только совсем белым он становится к концу столетия, а каждую полночь сотого года он снова делается черным, как уголь.

– Я признаю, что не прав, Мокэ; только прошу тебя не рассказывать эту замечательную историю моему сыну, по крайней мере до того, как ему исполнится пятнадцать лет.

– Это еще почему, мой генерал?

– Потому что бессмысленно забивать ему мозги подобными глупостями до того, как он станет достаточно взрослым, чтобы смеяться над волками, какими бы они ни были – белыми, серыми или черными.

– Договорились, мой генерал, ничего ему не скажем.

– Продолжай.

– А на чем мы остановились, мой генерал?

– Мы остановились на ловрушке, которую ты установил на животе, и ты говорил, что это знатная ловрушка.

– Ах, боже мой! Да, мой генерал, это знатная ловрушка! Она весила добрых десять фунтов! Да что я говорю: по меньшей мере, пятнадцать фунтов, вместе с цепью! А цепь я намотал на руку.

– А той ночью?

– О! Той ночью было еще хуже! Обычно она шлепает по мне в кожаных башмаках, а той ночью явилась в сабо.

– Вот так и приходит?..

– Каждую ночь, дарованную нам Господом. Вот, я похудел: вы прекрасно видите, что я отощал. Но сегодня утром я принял решение.

– И какое же решение ты принял, Мокэ?

– Я принял решение пальнуть по ней, вот!

– Это мудрое решение. И когда ты намерен его выполнить?

– О! Сегодня или завтра вечером, генерал.

– Вот досада! А я хотел было отправить тебя в Вилье-Эллон.

– Ничего страшного, генерал. То, что я должен там сделать, – это срочно?

– Очень срочно!

– Хорошо, я могу сходить в Вилье-Эллон – всего-то четыре лье леском – и вернуться к вечеру. Каких-то восемь лье. Мы куда больше на охоте протопывали, мой генерал.

– Договорились, Мокэ. Я дам тебе письмо к господину Коллару, и ты отправишься.

– Да, и я отправлюсь, генерал.

Отец встал с кровати и написал письмо господину Коллару. Письмо было составлено в таких выражениях:

Дорогой Коллар!

Отправляю к вам своего дурачка-сторожа, вы его знаете; он воображает, будто какая-то старуха морочит его ночи напролет, и, чтобы покончить с этой вампиршей, он хочет просто-напросто ее убить. Но поскольку правосудие могло бы счесть такой способ своевольно избавляться от затруднений неподходящим,

я отправляю его под каким-то там предлогом к вам. Вы же, под предлогом, что он вам пришелся по душе, отправьте его к Данрэ из Вути, который пошлет его к Дюлолуа, который, под предлогом или без оногo, пошлет его к черту, если захочет.

Короче говоря, нужно, чтобы его путешествие длилось минимум пару недель. Через две недели мы переедем и будем жить в Антии, и тогда, поскольку он уже будет вдали от Арамона и, вероятнее всего, по дороге его кошмар исчезнет, матушка Дюран сможет спать спокойно – чего бы я ей не советовал, пока Мокэ проживает в окрестностях.

Он принесет вам с дюжину бекасов и зайца, которых мы подстрелили вчера на охоте в болотах Валю. Тысячу теплых пожеланий вашей красавице Эрмине и тысячу поцелуев дорогой крошке Каролине. Ваш друг

АЛЕКС. ДЮМА

Мокэ отправился в путь через час после того, как письмо было написано, и возвратился через три недели уже в Антии.

– Ну как, – спросил отец, видя его бодрым и в добром здравии, – как там мамаша Дюран?

– Хорошо, мой генерал, – ответил сияющий Мокэ, – она оставила меня в покое, старая кротиha; похоже, она имеет власть только в округе.

VII

После кошмаров Мокэ прошло двенадцать лет. Мне уже минуло пятнадцать.

Это было зимой с тысяча восемьсот семнадцатого на тысяча восемьсот восемнадцатый год.

Увы! Десять лет назад мой отец умер.

У нас больше не служили ни садовник Пьер, ни камердинер Ипполит, ни сторож Мокэ.

Тогда мы уже не жили ни в замке Фоссэ, ни на вилле Антийи; мы проживали в Виллер-Коттре в маленьком домике на площади, напротив фонтана, а моя мать держала табачную лавку.

Еще там продавался порох, дробь и пули.

С молодости я уже был заядлым охотником.

Только я охотился – в прямом смысле слова – лишь тогда, когда мой двоюродный брат, господин Девьолен, лесничий из Виллер-Коттре, благоволил отпросить меня у матери.

В остальное время я браконьерствовал.

На оба случая, охоты и браконьерства, у меня было чудесное одноствольное ружье, которое прежде принадлежало принцессе Боргезе, и на нем был выгравирован ее вензель.

Его мне подарил отец, когда я был еще совсем ребенком, и на торгах, последовавших после его смерти, я так настойчиво протестовал, что мое ружье не продали вместе с другим оружием, лошадьми и экипажами.

Самым радостным временем для меня была зима.

Зимой земля покрывается снегом, и лишенные пропитания птицы слетаются туда, где им насыпят зерен.

Некоторые старые друзья моего отца, у которых были прекрасные сады, позволяли мне устраивать в этих садах охоту на птиц.

Я расчищал снег, насыпал дорожку зернами и из какого-нибудь укрытия, устроенного на расстоянии в половину ружейного выстрела, открывал огонь,

убивая порой с одного раза шесть, восемь или даже десять птиц.

Позже, когда снег уже лежал крепко, появлялась другая надежда: затравить волка.

Затравленный волк принадлежит всем.

Это общий враг, убийца, поставленный вне закона. Каждый имеет право на свой выстрел. Нечего и говорить, что я, не слушая криков матери, которая вдвойне боялась за меня, брал ружье и первым являлся на встречу.

Зима тысяча восемьсот семнадцатого – тысяча восемьсот девятнадцатого года была суровой.

Выпал снег толщиной в фут; все промерзло, и снег лежал уже две недели.

Но при этом никакие разговоры об охоте не велись.

В один прекрасный день, часам к четырем пополудни, к нам явился Мокэ. Он пришел пополнить запас пороха.

Покупая порох, он подмигнул мне. Когда он вышел, я последовал за ним.

– Что скажешь, Мокэ, – спросил я у него, – что случилось?

– Вы не догадываетесь, господин Александр?

– Нет, Мокэ.

– Вы не догадываетесь, что если я пришел за порохом к госпоже генеральше, вместо того чтобы купить его у себя в Арамоне, то есть что если я прошел лье вместо четверти лье, то у меня есть что вам предложить?

– О, милый Мокэ! А что именно?

– Появился волк, господин Александр.

– Да что ты? Не может быть!

– Сегодня ночью он утащил барана у господина Детурнеля, и я преследовал его до леса в Тийе.

– И что же?

– А то, что в эту ночь я его, конечно, увижу снова и спугну, а завтра утром мы с ним расправимся.

– О, какое счастье!

– Только нужно разрешение...

– Разрешение? Чье, Мокэ?

– Разрешение генеральши.

– Хорошо, возвращайся, Мокэ, – мы его у нее попросим.

Мать наблюдала за нами в окно. И почти не сомневалась, что мы что-то замышляем.

Мы возвратились в дом.

– Ах, Мокэ! Как же ты нерассудителен, смотри у меня!

– Как же так, госпожа генеральша? – спросил Мокэ.

– Вскружить мальчику голову... Он и так слишком много думает об этой пресловутой охоте!

– Конечно! Госпожа генеральша, это, ну... это как породистые псы... его отец был охотником, он охотник, его сын будет охотником. Вам нужно смириться.

– А если с ним случится несчастье?

– При мне? Несчастье? Несчастье при Мокэ? Ну и ну! Я отвечаю за него, за господина Александра, своим телом. С ним случится несчастье? С ним, с сыном генерала? Да никогда! Никогда! Никогда в жизни!

Моя бедная мать опустила голову. Я повис у нее на шее.

– Мамочка, – сказал я, – прошу тебя.

– Но ты зарядишь ему ружье, Мокэ?

– Будьте спокойны! Шестьдесят гранов пороха, ни одним больше, ни одним меньше, и фунт пуль-двадцаток.

– Ты его не оставишь?

– Даже его тень.

– Он будет рядом с тобой?

– Плечо к плечу.

– Мокэ! Я доверю его тебе одному.

– Я приведу его целым и невредимым. Вперед, господин Александр, собирайте пожитки и идем: генеральша разрешает.

– Как, ты уже забираешь его, Мокэ?

– Послушайте! Завтра будет слишком поздно приходить за ним; на волка охотятся на рассвете.

– Как! Ты отпрашиваешь его у меня, чтобы охотиться на волка?

– Вы боитесь, что волк его съест?

– Мокэ! Мокэ!

– Э! Говорю же вам, я за все отвечаю!

– Но где же бедный ребенок будет спать?

– У папаши Мокэ, где же еще! У него будет хороший матрас на полу, простыни белые, как те, что Господь постелил на равнине, и два теплых одеяла – он не простудится, отвечаю!

– Ах, мама! Не волнуйся! Идем, Мокэ, я готов.

– Ты меня даже не обнимешь, бедное дитя?

– О! Конечно, обниму, и даже дважды!

Я бросился матери на шею и чуть не задушил ее в объятиях.

– А когда вы вернетесь?

– О! Не волнуйтесь, мы вернемся завтра к вечеру.

– Как «завтра к вечеру»? Ты же говорил о рассвете!

– На рассвете – это о волке; но если мы его не найдем, то нужно же будет ребенку подстрелить одну-две диких утки в болотах Валю.

– Еще лучше! Ты его утопишь!

– Черт возьми! – сказал Мокэ. – Если бы я имел честь разговаривать не с женой моего генерала, я бы сказал ...

– Что, Мокэ, что бы ты сказал?

– Что вы сделаете из сына мокрую курицу. Да если бы мать генерала ходила за ним по пятам и цеплялась за край одежды так, как вы бегаєте за этим ребенком, он никогда бы не переплыл моря и не оказался бы во Франции.

– Ты прав, Мокэ, забирай его; я потеряла голову.

И мать отвернулась, чтобы смахнуть слезу. Материнская слеза, бриллиант сердца, ценнее жемчуга Офира. Я видел, как она скатилась.

Я подошел к бедной женщине и совсем тихо сказал:

– Если хочешь, мама, я останусь.

– Нет, иди! Иди, дитя мое, – сказала она. – Мокэ прав: нужно, чтобы ты когда-то стал мужчиной.

Я поцеловал ее напоследок. Потом догнал Мокэ, уже по дороге. Пройдя шагов сто, я обернулся. Мать вышла на середину улицы, чтобы как можно дольше не терять меня из виду.

Теперь пришла моя очередь смахивать слезы с ресниц.

– Ну вот! – сказал Мокэ. – Теперь и вы плачете, господин Александр!

– Полно, Мокэ, это от холода.

Но вы, Господь мой и Бог, который подарил мне эти слезы, вы ведь знаете, что я плачу не от холода...

VIII

Мы добрались к Мокэ затемно.

Пужинали яичницей на сале и фрикасе из кролика в вине.

Потом Мокэ постелил мне. Он сдержал слово, данное матери: в моем распоряжении был хороший матрас, две белые простыни и два очень теплых одеяла.

– Вперед! – сказал мне Мокэ. – Заройтесь поглубже и спите; вероятно, завтра в четыре часа утра нужно будет начать действовать.

– В любое время, как ты скажешь, Мокэ.

– Да-да, вечером вы ранняя пташка, а завтра утром нужно будет выплеснуть на вас полный ушат холодной воды, чтобы разбудить.

– Разрешаю это сделать, Мокэ, если тебе придется повторять дважды.

– Ну-ну, увидим!

– Ты очень спешишь лечь спать, Мокэ?

– А что же вы хотите, чтобы я делал в такое время?

– Мне кажется, Мокэ, ты мог бы рассказать одну из тех историй, которыми развлекал меня, когда я был маленьким.

– А кто встанет за меня в два часа, если я буду до полуночи рассказывать истории? Господин кюре?

– Ты прав, Мокэ.

– И на том спасибо!

Я разделся и лег. Мокэ упал на кровать прямо в одежде. Через пять минут он уже вовсю храпел. А я два часа ворочался с боку на бок – мне никак не удавалось заснуть. Сколько же бессонных ночей я провел накануне открытия охоты!

Наконец к полуночи усталость взяла свое.

В четыре часа утра я внезапно проснулся от холода. Я открыл глаза.

Мокэ сдернул с меня одеяло и стоял рядом, опираясь обеими руками на ружье и с трубкой во рту.

Его лицо еле виднелось в слабом свете, исходящем от трубки, и при каждой затяжке освещалось сильнее.

– Ну что, Мокэ? – спросил я его.

– Ну... его спугнули.

– Волка? А кто же его спугнул?

– Бедняга Мокэ.

– Ах, браво!

– Догадайтесь только, куда он забрался. Не волк, а просто послушный ребенок!

– Куда же он забрался, Мокэ?

– О! Держу пари, что не угадаете! В заросли Трех Дубов.

– И что же? Он окружен?

– Еще бы!

Три Дуба называлась рощица из деревьев и кустарника размером арпана в два в центре долины Ларньи, примерно в пятистах шагах от леса.

– А охотники? – продолжал я.

– Предупреждены, – ответил Мокэ, – они на опушке леса, все отменные стрелки: Муана, Мильдэ, Ватрэн, Лафей, лучшие из лучших. Мы с вами, со своей стороны, оцепим заросли с господами Шарпантье из Валю, Ошдезом из Ларни,

Детурнелем из Фоссэ, спустим собак, лесник их науськает – и готово!

– Мокэ, оставишь меня в удобном месте.

– Я же говорил, что вы будете рядом со мной. Однако уже пора вставать.

– Ты прав, Мокэ. Бр-р-р!

– Так-так, сжались над вашей молодостью и подбросим хвороста в печь.

– Мокэ, я не осмеливался просить об этом, но если ты это сделаешь, то, честное слово, буду весьма признателен.

Мокэ сходил в сарай за охапкой дров, которые он бросил в очаг, подталкивая ногой, потом поднес к тонким веточкам зажженную спичку.

В тот же миг огонь вспыхнул и радостно взвился вверх. Я присел на выступ печки и оделся. Клянусь, я проделал это быстро. Мокэ был просто поражен.

– Вперед, – сказал он. – Глоток «Парфэт-амура» – и в путь!

И Мокэ наполнил два стаканчика желтоватым ликером, который мне даже не нужно было пробовать, чтобы узнать.

– Ты знаешь, что я не пью спиртного, Мокэ.

– А! Вы настоящий сын своего отца! Но что же вы тогда будете пить?

– Ничего, Мокэ, ничего.

– Вы знаете поговорку: «В пустом доме поселяется злой дух». Поверьте мне, бросьте что-нибудь в желудок, пока я заряжу ваше ружье, – нужно сдержать слово, данное бедной мамаше.

– Хорошо, краюшку хлеба и стаканчик пинеле.

Пинеле – это слабое вино тех краев, где нет виноградников.

Обычно говорят, что, чтобы его пить, нужны три человека: один пьет, двое его держат.

Я достаточно привык к пинеле и пил его без посторонней помощи. Итак, пока Мокэ заряжал мое ружье, я проглотил стакан пинеле.

– Послушай, Мокэ, что ты делаешь? – спросил я его.

– Крест на вашей пуле, – ответил он. – Поскольку вы будете рядом со мной, мы можем выстрелить одновременно, и – не ради награды, я прекрасно знаю, что вы уступите ее мне, но из мелкого тщеславия! – если волк упадет, будет видно, кто его застрелил. Итак, цельтесь хорошенько.

– Буду стараться изо всех сил, Мокэ.

– Вот ваше ружье, оно заряжено на птиц. Вперед, идем, и дуло вверх.

Я послушался разумного совета старого стрелка, и мы тронулись в путь.

IX

Встреча была назначена на дороге в Шавиньи.

Там уже были сторожа и часть охотников. Через десять минут подошли и остальные.

К пяти часам все были в сборе.

Состоялся совет. Условились, что нужно обойти Три Дуба подальше и потихоньку приближаться, сжимая круг.

Двигаться следовало как можно тише, учитывая хорошо известную повадку господ волков срываться с места при малейшем шуме.

Каждый должен был по пути внимательно все осматривать, чтобы убедиться, что волк по-прежнему в зарослях. Лесник держал собак Мокэ на привязи.

Каждый подошел и занял свое место у Трех Дубов.

Случаю было угодно, чтобы мы с Мокэ оказались с северной стороны, то есть с той части зарослей, которая шла параллельно лесу. Как и говорил Мокэ, мы очутились в самом лучшем месте.

Весьма вероятно, что волк будет стремиться в лес, а значит, выскочит с нашей стороны.

Мы отошли друг от друга на пятьдесят шагов, и каждый прислонился спиной к дубу. Все замерли и, затаив дыхание, стали ждать.

Собак спустили на стороне, противоположной той, которую охраняли мы. Они пару раз подали голос и замолчали.

Лесник пошел за ними в заросли. Он стучал палкой по деревьям и кричал:

– Ату!

Но собаки, выпучив глаза, оскалив зубы, вздыбив шерсть, казалось, прилипли к земле. Их нельзя было заставить сдвинуться с места.

– Эй, Мокэ! – крикнул лесник. – Сдается, это матерый волчище. Рокадор и Томбель не хотят на него идти.

Мокэ предпочел отмолчаться – звук голоса мог указать зверю место, где он обнаружил бы врагов.

Лесник продолжал идти вперед, стуча по деревьям. Две собаки следовали за ним, но крадучись, не забегая вперед, семеня, не лая и довольствуясь порыванием.

– Гром и молния! – вдруг закричал лесник. – Я чуть не наступил ему на хвост! Волк! Волк! Он к тебе, Мокэ, к тебе!

И впрямь к нам что-то приближалось. Животное выскочило из зарослей быстро, словно удар молнии, как раз между мною и Мокэ.

Это был громадный волк, почти белый от старости.

Мокэ выстрелил из двух стволов.

Я видел, как обе пули отскочили в снег.

– Да стреляйте же! – воскликнул он. – Стреляйте же!

Только тогда я вскинул ружье на плечо, прицелился и выстрелил. Волк дернулся, будто укусил себя за лопатку.

– Он попал в него! Он попал в него! – кричал Мокэ. – Мальчишка попал ему в правый бок! Дуракам везет!

Тем временем волк все бежал и выскочил прямо на Муана и Мильдэ, лучших стрелков округа. Оба открыли огонь – сначала на открытом месте, потом под лесом. Было видно, как первые две пули столкнулись и прорезали снег, взвихрив его фонтанчиками. Эти первые пули волка не задели, но, без сомнения, под другими он должен был пасть.

Было удивительно, что оба стрелявших не попали в волка. Я видал, как Муан убивал семнадцать бекасов подряд. Я видал, как Мильдэ перебил пополам белку, которая перескакивала с одного дерева на другое. Сторожа последовали за волком в лес. Мы с тревогой глядели туда, где они скрылись.

– Ну что? – крикнул Мокэ стрелкам.

– Ничего! – Мильде махнул рукой. – Он уже в Тай-Фонтэн.

– В Тай-Фонтэн! – с изумлением воскликнул Мокэ. – Не может быть! И что, эти простофили промазали?

– Почему бы и нет? Ты ведь тоже промазал!

Мокэ кивнул головой.

– Подожди, подожди, что-то неладно, – сказал он. – Что я промазал – это удивительно, но все-таки возможно. Но чтобы Муана с двух выстрелов не попал – нет, я говорю «нет».

– Однако это так, бедняга Мокэ.

– Кстати, а вы-то в него попали, – сказал он мне.

– Я!.. Ты уверен?

– Стыд и срам для остальных, но это так же верно, как то, что меня зовут Мокэ. Вы попали в него, это ж надо!

– Ладно, но если я в него попал, это несложно увидеть, Мокэ! Будет кровь. Побежали, Мокэ, побежали!

И я показал наставнику пример.

– Нет, черт возьми! Не побежим! – крикнул Мокэ, сжав зубы и топнув ногой. – Наоборот, пойдем медленно, чтобы не пропустить.

– Пойдем медленно, но пойдем же.

И он пустился шаг в шаг по волчьему следу.

– Ах, черт возьми! – сказал я. – Не бойся потерять след, его будет видно.

– Да, но я не это ищу.

– Что же ты ищешь?

– Сейчас узнаете.

Охотники, которые вместе с нами окружали заросли, собрались и следовали сзади, а лесник рассказывал им о том, что только что произошло. Мы с Мокэ шли по следу волка, глубоко отпечатанному в снегу.

Подожли к месту, где волка настиг мой выстрел.

– Вот видишь, Мокэ, – сказал я ему, – я промахнулся!

– Почему это, интересно, вы промахнулись?

– Господи! Да потому что нет крови.

– Тогда ищите след пули на снегу.

Я сориентировался и пошел в том направлении, куда пуля должна была бы лететь, если предположить, что она не поразила волка. Прошел полкилометра – без толку. Тогда я решил уступить и направился к Мокэ, который подал сторожам знак подойти.

– Ну-ну, – сказал он мне, – и где же пуля?

– Я ее не нашел.

– Тогда я удачливее вас: я ее нашел.

– Как это ты ее нашел?

– О! Повернитесь и посмотрите там, за мной.

Я повиновался. Охотники приблизились, и Мокэ указал им на черту, которую они не должны были переступить. Лесники тоже подошли.

– Ну что? – спросил Мокэ.

– Промах, – хором ответили Мильдэ и Муана.

– Я прекрасно видел, что вы промазали на открытом месте, но на опушке...

– Тоже промахнулись.

– Вы уверены?

– Найдены две пули, застрявшие в стволе одного дерева.

– Что-то не верится, – сказал Ватрэн.

– Нет, не верится, – повторил за ним Мокэ, – однако сейчас я покажу вам кое-что еще более невероятное.

– Покажешь?

– Смотрите сюда, на снег. Что вы видите?

– Волчий след, черт побери!

– А рядом со следом от правой лапы, там... что это такое?

– Дырочка.

– И что? Вы не понимаете?

Сторожа переглядывались с удивлением.

– Хоть сейчас-то понимаете? – настаивал Мокэ.

– Невозможно! – заявили сторожа.

– Однако это так, а доказательства я вам сейчас представлю.

Мокэ опустил руку в снег, пошарил там и через какое-то мгновение с победным криком достал сплюснутую пулю.

– Это же надо! – сказал я. – Моя пуля.

– Вы ее таки узнали?

– Думаю, да; ты ее пометил.

– И какой знак я на ней поставил?

– Крест.

– Видите, господа, – сказал Мокэ.

– Послушай, объясни-ка нам все.

– Дело вот в чем. Обычные пули от него отскакивали, но он не имел власти над пулей, на которой был крест. Она попала ему в лопатку – я видел, как он дернулся, будто укусил сам себя.

– Но если пуля попала ему в лопатку, – спросил я, удивленный молчанием и изумлением сторожей, – почему же она его не убила?

– Потому что она не золотая и не серебряная, малыш, а только золотые или серебряные пули могут пробить шкуру черта и убить того, кто заключил с ним договор.

– Так ты что же, Мокэ, – спросили, дрожа от страха, сторожа, – веришь?..

– Еще бы, конечно! Я считаю, что мы только что имели дело с волком Тибо-башмачника.

Сторожа и охотники переглянулись. Двое или трое осенили себя крестным знаменiem. Казалось, все разделяли мнение Мокэ, что это волк Тибо-башмачника. Только один я ничего не понимал.

– Скажи же, – настаивал я, – что это за волк Тибо-башмачника?

Мокэ колебался и не отвечал.

– А! Будь что будет! – воскликнул он наконец. – Генерал сказал, что я смогу рассказать обо всем, когда вам исполнится пятнадцать. Уже исполнилось?

– Мне шестнадцать, – с гордостью ответил я.

– Тем лучше. Волк Тибо-башмачника, мой дорогой господин Александр, – это черт. Вчера вечером вы просили меня что-нибудь рассказать, так?

– Да.

– Давайте вернемся ко мне, и я расскажу вам историю, замечательную историю!

Сторожа и охотники, молча пожав друг другу руки, разошлись. Все отправились по домам, а мы вернулись к Мокэ, и он поведал мне историю, которую вы сейчас прочтете.

Возможно, вы спросите, почему я до сих пор не рассказал ее. И я отвечу, что до сего момента она хранилась в той ячейке моей памяти, которая всегда была словно заперта на ключ и открылась всего три дня назад. Я охотно поделился бы тем, при каких обстоятельствах это произошло, но не исключено, что это отсрочит повествование по существу и не представляет для вас особого интереса. Поэтому я предпочитаю начать свой рассказ сейчас же.

Я говорю «свой рассказ», а должен бы, наверное, сказать «рассказ Мокэ». Но, признаюсь, когда высиживаешь яйцо тридцать восемь лет, то в конечном итоге начинаешь думать, что ты его и снес.

Глава 1

Обер-егермейстер его сиятельства

Сеньор Жан, барон де Вез, был отличным псовым охотником.

Если идти по прекрасной долине, которая ведет из Берваля в Лонпрэ, то слева будет видна старая башня, которая кажется еще выше и еще величественнее из-за того, что стоит особняком.

Сейчас это собственность старого друга того, кто рассказывает эту историю, и все настолько привыкли к ее виду – каким бы мрачным он ни был, – что любой крестьянин летом отправится отдохнуть в тени ее высоких массивных стен, ничего не опасаясь, как не боятся пронзительно кричащие стрижи с черными крыльями и нежно щебечущие ласточки, каждый год прилетающие сюда вить гнезда.

Но в те времена, о которых мы ведем речь, то есть около тысяча семьсот восьмидесятого года, барская усадьба де Вез выглядела иначе и, следует признать, не была столь безопасной. Это было сооружение двенадцатого или тринадцатого века, мрачное и суровое, в замечательном устройстве которого – по крайней мере, внешне – вереница лет ничего не изменила. Правда, часовой в блестящем шлеме уже не прохаживался размеренным шагом по ее валу; правда, стрелок с пронзительно звучащим рожком уже не нес вахту на башне; правда, два вооруженных охранника уже не дежурили у потайного хода, готовые при малейшем сигнале тревоги опустить подъемную решетку на воротах и поднять мост. Но уже сама обособленность здания, жизнь в котором, казалось, угасла, придавала мрачному гранитному великану – особенно ночью – пугающее величие безмолвия и неподвижности.

Владелец этого замка, впрочем, был не злым человеком, и, как говорили люди, знавшие его не понаслышке и относившиеся к нему достаточно справедливо, от него было больше шума, чем дела, и больше угроз, чем зла, – для христиан, разумеется.

Но для лесных зверей это был беспощадный, неизменный, смертельный враг.

Он был обер-егермейстером его сиятельства Луи-Филиппа Орлеанского, четвертого по счету с таким именем, и это положение позволяло ему удовлетворять безумную страсть к охоте.

В любых других вопросах, какими бы сложными они ни были, еще можно было взывать к разуму барона Жана, но что касается охоты, то коль уж какая-нибудь мысль посещала голову сего достойного господина, то он предавался ей всем сердцем и непременно добивался цели.

Говорили, что он женился на внебрачной дочери принца и это, кроме титула обер-егермейстера, обеспечило ему почти абсолютную власть во владениях знаменитого тестя, – власть, которую никто не осмеливался оспаривать, особенно с тех пор как герцог Орлеанский в тысяча семьсот семьдесят третьем году вторично женился на госпоже де Монтессон и через какое-то время перебрался из замка в Виллер-Коттре в очаровательный домик в Банеле, где принимал лучшие умы эпохи и играл в комедиях.

Почти каждый божий день – при ясном солнышке, радующем землю, и при наводящем тоску дожде; когда зима покрывает поля белым саваном и когда весна расстилает по лугам зеленый ковер – между восьмью и девятью часами утра распахивались обе створки больших ворот замка и выезжал сначала барон Жан, за ним – первый доезжачий Маркотт, затем – другие доезжачие. Потом появлялись собаки, которых вели на поводках псари под наблюдением мэтра Ангульвана, кандидата в доезжачие, который шествовал, подобно немецкому палачу, после дворян и перед мещанами, – он шагал сразу за доезжачими и перед псарями, словно был первым из псарей и последним из доезжачих.

Вся процессия выступала в полном снаряжении на английских лошадях и с французскими собаками – на двенадцати лошадях, с сорока собаками.

Добавим еще, что барон Жан охотился на этих двенадцати лошадях и с этими сорока собаками на любых зверей.

Но, без сомнения, во имя чести он охотился главным образом на волка. Любому ловчему было понятно, что он уверен в чутье и выносливости своих псов, так как после волка наступала очередь кабана, за кабаном – оленя, за оленем – лани, за ланью – косули. Наконец, если слуги возвращались ни с чем, он рассворивал собак и травил первого попавшегося зайца, поскольку, как мы уже сказали,

охотился сей достойный сеньор каждый день и скорее предпочел бы не есть и даже не пить целые сутки, хотя и часто испытывал жажду, чем целых двадцать четыре часа не видеть бегущих по следу собак.

Но, как известно, несмотря на быстроногих лошадей и обладающих прекрасным нюхом собак, на охоте случается всякое – и удачи, и неприятности.

Как-то раз Маркотт явился на назначенную бароном Жаном встречу совершенно сконфуженным.

– Что такое, Маркотт? – спросил барон Жан, нахмутив брови. – Что еще случилось?

Маркотт покачал головой.

– Говори же! – Барон сделал нетерпеливый жест.

– Случилось такое, сеньор... Мне стало известно, что где-то здесь обнаружился черный волк.

– Ах! Ах! – воскликнул барон Жан, и глаза его заблестели.

И действительно, достойный сеньор уже пятый или шестой раз упускал зверя, которого так легко было узнать по необычному меху, не умея ни застрелить его из штуцера, ни затравить.

– Да, – продолжил Маркотт, – но проклятый зверь так удачно использовал ночное время, так запутал следы, что, оббегав пол-леса, я возвратился в исходную точку.

– Итак, Маркотт, ты полагаешь, что нет никакой возможности приблизиться к зверю?

– Мне так кажется.

– Тысяча чертей! – воскликнул сеньор Жан, который был самым большим сквернословом на земле после Немрода. – Что-то я сегодня не в лучшем

расположении духа, мне нужно хорошенько поулюлюкать, чтобы стряхнуть мрачные мысли. Поглядим, Маркотт, кто нам попадется вместо этого проклятого черного волка.

– Конечно! – занятый своими мыслями, отвечал Маркотт. – Я вовсе не против другого зверя. Сеньор желает спустить собак и охотиться на первое попавшееся животное?

Барон уже велел было Маркотту поступать, как тот сам знает, когда увидел приближавшегося со шляпой в руках коротышку Ангульвана.

– Погоди, – сказал он, – вот мэтр Ангульван. Он, кажется, даст нам совет.

– Я не смею давать советов такому благородному сеньору, как вы, – ответил Ангульван, пряча за скромными манерами лукавую и хитрую физиономию, – но мой долг сообщить вам: в окрестностях появилась лань.

– Посмотрим на твою лань, Ангульван, – ответил обер-егермейстер, – и если ты не ошибся, тебе перепадет новый экю.

– Где твоя лань? – спросил Маркотт. – Но береги шкуру, если беспокоишь нас напрасно!

– Дайте мне Матадора и Юпитера, и тогда посмотрим.

Матадор и Юпитер были лучшими гончими псами сеньора де Веза. Ангульван не сделал с ними и сотни шагов в чащу, как по тому, что собаки стали нетерпеливо бить хвостами и заливисто лаять, понял, что они на верном пути. В самом деле, почти тут же лань – великолепная семилетка – выскочила на собак. Вся свора помчалась за двумя ветеранами. Маркотт закричал, чтобы дали дорогу, протрубил сбор, и охота началась – к великому удовольствию сеньора де Веза, который, все еще сожалея об упущенном волке, уж так и быть, согласился на лань-семилетку.

Охота продолжалась без малого два часа, а лань не подавала даже признаков утомления. Сначала она завела охотников в лесок близ Арамона по дороге на Пандю, потом с дороги на Пандю в конец Уани, и все это в приличном темпе –

поистине она не была из тех, кто позволяет злым таксам схватить себя за хвост.

Однако, углубившись в леса Бурфонтена, животное начало терять силы, стало избегать открытых пространств, по которым до этого уходило, и принялось хитрить.

Для начала лань заскочила в ручей, соединявший пруды Бэзмона и Бура: около восьмой части лье она поднималась по нему по колено в воде, прыгнула вправо, возвратилась в русло ручья, прыгнула влево и продолжала двигаться такими мощными скачками, на какие только хватало сил.

Но собаки сеньора Жана были не из тех, которые отступают из-за такой ерунды. Будучи умными и породистыми, они разделились для выполнения задачи. Одни поднимались вдоль ручья, другие спускались; одни шли по следу справа, другие – слева. Они разгадали хитрость животного, поняли, каким путем оно идет, и на первый же клич одной из них собрались вокруг и продолжили преследование так яростно и отчаянно, словно лань была уже в двадцати шагах от них.

По-прежнему мчащаяся галопом, сопровождаемая звуком рожка и лаем свита барона Жана, доезжачие и собаки оказались возле прудов Сент-Антуана, в нескольких сотнях шагов от Уани.

Там, между окраинами Уани и изгородью Озрэ, стояла лачуга Тибо-башмачника.

Скажем несколько слов о том, кто такой был Тибо, делающий сабо, Тибо-башмачник, ибо именно он – главный герой нашего рассказа.

Возможно, меня спросят, почему я, который выводил на сцену королей и принуждал в своих романах играть второстепенные роли принцев, герцогов и баронов, почему я сделал главным героем этой истории простого башмачника.

Прежде всего, отвечу я, потому что в милом моему сердцу краю Виллер-Коттре больше башмачников, чем баронов, герцогов и принцев, а еще потому, что коль уж я вознамерился рассказать со сцены о событиях, в которых речь пойдет об окружающих лесах, мне нужно было – дабы не выдумывать персонажей, подобных героям «Инков» господина Мармонтеля и «Абенсераджей» господина де Флориана – сделать главным персонажем одного из настоящих обитателей этого леса.

Кстати, не вы выбираете героя, это герой выбирает вас; и хорош он или плох – я увлечен именно этим героем.

Итак, я попытаюсь дать портрет Тибо-башмачника – простого человека, делающего сабо, как художник создает портрет, который принц королевской крови желает отправить своей невесте.

Тибо был человеком лет двадцати пяти – двадцати семи, высоким, хорошо сложенным, крепким, но с какой-то непонятной тоской на сердце и унынием в душе. Это уныние рождалось от капли зависти, которую он всегда испытывал – возможно, сам того не желая, безотчетно – к более удачливому, чем он, ближнему.

Его отец совершил в свое время ошибку, серьезную во все времена, но еще более непростительную в эпоху абсолютизма, когда никому не позволено было возвышаться над своим сословием, тогда как в наше время при определенных способностях можно достичь желаемого.

Отец дал ему образование, непозволительное при его общественном положении. Тибо учился в школе аббата Фортье, магистра из Виллер-Коттре; он умел читать, писать, считать; он даже немного знал латынь, чем очень гордился.

Тибо много времени проводил за чтением. Особенно он любил модные книги конца последнего столетия.

Словно неудачливый химик, он не умел отличить хорошее от плохого и в огромных количествах проглатывал преимущественно плохое, позволяя хорошему осаждаться на дне стакана.

Без сомнения, в двадцатилетнем возрасте Тибо мечтал вовсе не о том, чтобы делать сабо.

В какой-то момент он склонялся к военной службе.

Но его товарищи, состоявшие на службе короля и Франции, как начали ее солдатами, так и окончили простыми солдатами – не продвинувшись за пять или шесть лет рабского служения, не получив никакого чина, не дослужившись даже

до капрала.

Потом Тибо мечтал стать моряком.

Но для простолюдинов карьера моряка была еще более недоступной, чем армейская.

Проведя пятнадцать или двадцать лет в опасности, среди бурь, в боях, он мог дослужиться всего-навсего до боцмана – только и всего!

Кроме того, Тибо мечтал вовсе не о короткой курточке и парусиновых штанах: его амбиции простирались до облачения королевского голубого цвета с красным жилетом и золотыми эполетами в форме кошачьей лапки.

Но не было случая, чтобы сын башмачника стал капитаном фрегата, и даже капитан-лейтенантом, и даже просто лейтенантом.

Таким образом, от мечты стать моряком пришлось отказаться.

Еще Тибо хотел стать нотариусом. Какое-то время он мечтал поступить рассыльным к мэтру Нике, королевскому письмоводителю, и подниматься по служебной лестнице благодаря быстроте ног и живости пера.

Но, дослужись он даже до чина старшего делопроизводителя с сотней экю в год, где ему было взять тридцать тысяч франков, необходимых для покупки скромной деревенской конторы нотариуса?

Таким образом, не было никакого проку становиться ни письмоводителем, ни офицером – сухопутным или морским.

Именно в это время отец Тибо умер. У него было так мало денег на счету, что их едва хватило на похороны.

Отца похоронили, и после похорон Тибо досталось три или четыре золотых пистоля.

Тибо прекрасно понимал свое положение и был весьма искусным башмачником. Но он не чувствовал интереса к тому, чтобы орудовать сверлом и резцом.

Кончилось тем, что, из чувства осторожности оставив на хранение другу инструменты отца, он продал мебель – от первого до последнего предмета, выручил за них сумму в пятьсот сорок ливров и решил отправиться в путешествие по Франции, которое тогда называли тур де Франс.

Три года Тибо провел в странствиях. Он ничего не заработал, но узнал то, что ранее ему было неизвестно, и развил дарования, о которых не подозревал.

Он усвоил, что надлежит строго выполнять договор о торговой сделке, заключенный с мужчиной, и что совершенно незачем быть верным клятве в любви, данной женщине.

Вот что он выиграл с точки зрения нравственности.

Что касается физической стороны, то он восхитительно танцевал джигу, так ловко орудовал палкой, что мог постоять за себя против четверых, и владел рогатиной, как лучший егерь.

Все это ничуть не уменьшило его врожденной гордости, и, видя, что он более красив, силен, ловок, чем многие дворяне, Тибо вопрошал Провидение: «Отчего я не родился дворянином, и почему такой-то дворянин не родился простолюдином?»

Но на подобные обращения Тибо Провидение не считало нужным отвечать. А поскольку Тибо, танцуя, крутя палку, действуя рогатиной, расстроил некоторым образом свое здоровье и не восстанавливал его, то в конечном итоге он решил вернуться к прежнему ремеслу, каким бы ничтожным оно ни было, говоря себе, что если оно кормило отца, то вполне может прокормить и сына.

Вот почему Тибо отправился за своими инструментами туда, где их оставил, а потом с инструментами в руках пошел к управляющему имением его сиятельства Луи-Филиппа Орлеанского за разрешением построить домик в лесу, чтобы заниматься своим делом. Управляющий охотно позволил, потому что из опыта знал, что у сеньора герцога Орлеанского очень жалостливое сердце и он жертвует обездоленным до двухсот сорока тысяч франков в год, и подумал, что

коль он расстается с такой суммой, то вовсе не будет против предоставить участок шагов в тридцать-сорок человеку, желающему трудиться.

Тибо, обладая свободой в выборе места для жилья, присмотрел самое живописное местечко в окрестностях Озер, в четверти лье от Уани и в трех четвертых лье от Виллер-Коттре.

И вот башмачник соорудил мастерскую по производству сабо: наполовину из старых досок, которые ему дал торговавший по соседству господин Паризи, наполовину из веток, которые управляющий позволил ему спилить в лесу.

Потом, когда хижина была построена (она состояла из одной достаточно теплой комнаты, где можно было работать зимой, и открытой пристройки, чтобы работать летом), он принялся за сооружение кровати.

Сначала ложем служила просто куча папоротника. Позже он изготовил с сотню пар сабо и продал их папаше Бедо, торговцу самым разным товаром из Виллер-Коттре, и из этих первых денег дал задаток за матрас, который ему позволили оплатить в течение трех месяцев.

Деревянную кровать несложно было сделать самому: Тибо не был бы мастером, изготавливающим сабо, не будь он немного столяром. Он сделал каркас кровати, сплел дно из ивовых веток, водрузил на него матрас и оказался обладателем вполне достойного спального места.

Затем, мало-помалу и одно за другим, появились постельное белье и одеяла.

Позже – переносная плитка, глиняные горшки для приготовления пищи на плитке, еще какое-то время спустя – фаянсовая посуда.

В конце года движимое имущество Тибо пополнилось красивым дубовым ларем и чудесным шкафом из ореха, который, как и каркас кровати, он смастерил сам.

Вот так Тибо обзаводился хозяйством, ибо он не довольствовался тем, чтобы из куска бука вырезать лишь пару деревянных башмаков: из оставшихся кусочков он вырезал ложки, солонки, плошки и чашки.

После возвращения из путешествия по Франции Тибо прожил в своей мастерской уже три года, и за это время его могли упрекнуть только в одном – в том, в чем уже упрекали раньше: он был несколько более завистлив к достоянию ближнего, чем следовало бы для спасения души.

Правда, тогда это чувство было еще настолько безобидным, что только духовник знал о нем и мог пристыдить за преступление, которое пока что существовало в душе как греховный помысел.

Глава 2

Господин и башмачник

Как мы уже говорили, лань, спасаясь от погони, прибежала на окраину Уани и кружила вокруг хижины Тибо.

Стояла чудесная погода, хотя все уже дышало осенью, и осенью не ранней. Тибо сидел под навесом и вырезал сабо. Вдруг в тридцати шагах он увидел лань, которая дрожала, едва держась на ногах, и глядела на него умными испуганными глазами. Уже давно Тибо слышал, что вблизи Уани шла охота – она то приближалась к деревне, то удалялась, то снова приближалась. Поэтому появление лани его ничуть не удивило.

Он застыл с резак (тем, которым пользовался во время ответственной работы) в руке и принялся рассматривать животное.

– Клянусь святым Сабо! – сказал он (следует сказать, что святой Сабо – это покровитель башмачников). – Клянусь святым Сабо, вот лакомый кусочек, который не уступит той серне, что я отведал во Вьенне, в департаменте Дофинэ, на торжественной трапезе для путешественников! Хорошо тем, кто может каждый день класть себе на зуб кусочек подобного мяса! Я такое ел единственный раз в жизни, уже почти четыре года назад, но хоть прошло столько лет, когда я о нем думаю, у меня слюнки текут. О господи, господи! На каждой трапезе – свежее мясо и старые вина, а я всю неделю ем только картошку, пью воду и с большим трудом могу позволить себе в воскресные дни

попировать куском прогорклого сала, недоокисшей капустой и стаканом пинеле, такого кислого, что скулы сводит!

Вы прекрасно понимаете, что при первых же его словах лань умчалась.

Тибо в подробностях вспомнил весь свой путь и завершал речь только что упомянутым блестящим высказыванием, когда его перебил какой-то громила:

– Эй, бездельник! Отвечай мне.

Это был сеньор Жан, чьи собаки, похоже, потеряли след, и он желал удостовериться, что они не дали себя провести.

– Эй, бездельник! – повторил обер-егермейстер. – Ты видел животное?

Разумеется, тон, которым барон задал вопрос, совершенно не понравился башмачнику-философу, и он, прекрасно понимая, о чем речь, спросил:

– Какое животное?

– Эй, шут бы тебя побрал! Лань, за которой мы охотимся! Она, должно быть, пробежала шагах в пятидесяти отсюда. Ты здесь ворон считаешь и должен был ее видеть. Лань-семилетка. Куда она скрылась? Говори же, чучело, иначе получишь кнута!

– Порази тебя чума, волчье отродье! – едва слышно пробурчал башмачник. И, изображая простака, громко сказал: – Ах да! Я ее видел.

– Самца с прекрасными рогами? Семилетку?

– Да-да, конечно, самца с прекрасными рогами; я его видел, как вижу вас, ваша светлость. Но не могу сказать, были ли мозоли, я и не думал смотреть ему на ноги. Во всяком случае, – добавил он с простецким видом, – если они и были, то это не помешало ему убежать.

В другое время барон Жан посмеялся бы над такой простотой, которую он принял за естественную. Но от уловок животного он начал приходить в ярость и

его лихорадило, как святого Губерта.

– Довольно, бездельник, прекращай шуточки! Если ты в игривом расположении духа, то я вовсе нет.

– Я буду в таком расположении, в каком пожелает ваша светлость.

– Увидим! Отвечай мне.

– Ваша светлость еще ни о чем не спросили.

– Лань выглядела загнанной?

– Не слишком.

– Откуда она бежала?

– Она не бежала, она стояла.

– Но ведь откуда-то она прибежала?

– А! Это может быть, но я не видел, как она бежала.

– А куда она убежала?

– Я бы с удовольствием вам ответил, но не видел, как она убежала.

Сеньор де Вез пронзил Тибо взглядом.

– Лань пробежала давно, господин шутник? – спросил он.

– Не так-то и давно, ваша светлость.

– Примерно сколько времени назад?

Тибо сделал вид, что роется в памяти.

– Думаю, позавчера, – наконец ответил он.

И тут, произнося последние слова, башмачник не смог скрыть усмешки. Это не ускользнуло от барона Жана, и он, пришпорив лошадь, подлетел к Тибо с занесенным кнутом. Тибо оказался проворнее. Одним прыжком он очутился под навесом, куда обер-егермейстер, не спешившись, попасть не мог. Итак, Тибо мгновенно оказался вне опасности.

– Ты смеешься надо мной и лжешь! – воскликнул ловчий. – Не может быть, чтобы Маркассино, мой лучший пес, так рвался и лаял в двадцати шагах отсюда, если здесь не пробегала лань; побегом же туда, она не могла не перепрыгнуть через изгородь, а значит, ты не мог ее не видеть.

– Простите, ваша светлость, но, как говорит наш кюре, непогрешим только папа, а господин Маркассино вполне может ошибиться.

– Маркассино никогда не ошибается, запомни это, бездарь! И доказательство тому вот: я вижу, где животное било копытом.

– Но все-таки, ваша светлость, уверяю вас, клянусь... – говорил Тибо, с волнением наблюдая, как черные брови барона превращаются в одну линию.

– Мировая, и иди сюда, бездельник! – закричал барон Жан.

Какое-то мгновение Тибо колебался; но выражение лица охотника становилось все более угрожающим. Он понял, что неповиновение ни к чему хорошему не приведет, и, надеясь, что обер-егермейстер желает попросить его о какой-то услуге, решил покинуть убежище.

Беда настигла Тибо, когда он не сделал и четырех шагов из-под защищавшей его крыши. Лошадь сеньора де Веза, не сдерживаемая ни удилами, ни шпорами, сделала громадный прыжок и оказалась прямо возле него. И в этот же миг он получил сильнейший удар рукояткой хлыста по голове.

Башмачник, оглушенный ударом, зашатался, потерял равновесие и вот-вот упал бы на землю, но барон Жан, высвободив ногу из стремени, нанес ему сильный удар в грудь, от которого Тибо не только выпрямился, но и, развернувшись в противоположную сторону, рухнул навзничь у дверей хижины.

– Получай, – говорил барон, нанося ему удар сначала рукояткой хлыста, а затем ногой. – Получай: это за ложь, а это за насмешки!

И ничуть не беспокоясь о неподвижно лежащем башмачнике, сеньор Жан, заметив, что свора отозвалась на лай Макассино, весело зазвонил собакам и неспешно удалился на своем коне.

Тибо поднялся весь избитый и ощупал голову, чтобы убедиться, что переломов нет.

– Ну-ка, ну-ка, – говорил он, тихонько шевеля руками и ногами, – хорошо, что ничего не сломано – ни вверху, ни внизу. Так вот как вы, господин барон, обращаетесь с людьми только из-за того, что взяли в супруги незаконнорожденную дочь принца! Хорошо-хорошо, великий обер-егермейстер, великий ловчий! Кем бы вы ни были, но вам не доведется съесть лань, на которую вы охотитесь, – она достанется этому бездельнику, бездари, этому шутнику Тибо. Да, я уверен в том, что съем ее! – воскликнул башмачник, все более утверждаясь в своем отважном решении. – Не будь я мужчиной, если не сдержу слова!

Сунув за пояс кривой нож и прихватив рогатину, Тибо прислушался к лаю, сориентировался и, превратившись в тетиву лука, дугу которого составляли лань и свора собак, помчался вперед со скоростью, на которую только способны человеческие ноги.

У Тибо был выбор: устроить засаду и убить лань рогатиной или дождаться момента, когда ее затравят собаки, и завладеть ею.

Желание отомстить барону за жестокость занимало бегущего Тибо куда меньше, чем мысли о деликатесах, которые почти целый месяц он сможет готовить из лопаток, спинки и окорока лани: он их хорошо промаринует и поджарит на вертеле или нарежет ломтиками и приготовит в печи.

В конечном итоге эти две мысли – месть и лакомство – так перемешались у него в голове, что он бежал все быстрее и посмеивался, представляя жалкое выражение лица барона и его людей, возвращающихся в замок Вез не солоно хлебавши, и свою собственную физиономию, когда он плотно закроет дверь, нальет стакан вина и – один за столом – примется за окорок... как из него под ножом, вонзающимся уже третий или четвертый раз, будет течь ароматный кровавистый сок.

Насколько мог судить Тибо, лань побежала по направлению к мосту через речку Урк, между Норуа и Тресной.

Во времена, когда происходили эти события, с одного берега на другой был перекинут всего один мост, состоящий из двух брусьев и нескольких досок.

Речка была полноводной и очень быстрой, и Тибо подумал, что лань вряд ли решится перейти ее вброд. Поэтому он притаился за скалой рядом с мостом и стал ждать.

Вскоре в десяти шагах он неожиданно увидел грациозно поднятую головку лани, которая поводила ушами, надеясь в порыве ветра расслышать шум, производимый ее врагами.

Тибо, очень взволнованный этим неожиданным появлением, поднялся из-за камня, перехватил рогатину поудобнее и метнул ее в животное.

Лань прыгнула так, что оказалась на середине моста, при втором прыжке ее вынесло на противоположный берег, прыгнув третий раз, она скрылась с глаз Тибо.

Рогатина пролетела по меньшей мере в футе от животного и застряла в траве в пятнадцати шагах от Тибо.

Никогда еще он не был так неловок – Тибо, участник Тур де Франс, всегда абсолютно уверенный в своем броске!

И тогда в бессильной ярости на самого себя он выдернул рогатину из земли и стремительно промчался по мосту, где только что пробежала лань.

Тибо знал окрестности так же хорошо, как и лань. Он бросился вперед и устроил засаду за буком на середине косогора, неподалеку от едва заметной тропинки.

На этот раз лань пробежала настолько близко, что у Тибо мелькнула мысль, не уложить ли животное ударом рогатины, вместо того чтобы метать ее.

Он колебался не дольше блеснувшей молнии, но даже молния не могла опередить лань; когда она была уже в двадцати шагах от Тибо, он метнул рогатину, но, как и в первый раз, удача не улыбнулась ему.

Между тем он слышал все приближающийся лай собак и чувствовал, что пройди еще несколько минут, и ему не удастся осуществить свой план.

К чести Тибо следует сказать, что его упорство в достижении цели возрастало по мере увеличения трудностей.

– И все-таки она мне нужна! – воскликнул он. – Да! И если Господь Бог благоволит к бедным людям, я возьму верх над этим баронишкой, который побил меня как собаку, а ведь я как-никак человек и готов это доказать.

Тибо поднял рогатину и снова пустился бежать. Но, похоже, Господь Бог, к которому он взывал, либо не услышал его, либо хотел испытать до конца, ибо и третья попытка – как и две первые – не увенчалась успехом.

– Разрази тебя гром! – закричал Тибо. – Похоже, Господь Бог меня не слышит. Хорошо же, пусть тогда черт повернется ко мне и услышит меня! Именем Бога или черта, но я заполучу тебя, проклятое животное!

Не успел еще Тибо произнести это двойное поношение, как лань повернула назад, пробежала мимо него в четвертый раз и скрылась в кустах. Это появление было столь быстрым и внезапным, что он не успел даже поднять рогатину.

В это время лай собак раздался так близко, что Тибо счел неразумным продолжать преследование. Он осмотрелся, увидел дуб с густой листвой, забросил рогатину в кусты, взобрался на дерево и притаился среди ветвей.

Он не без основания полагал, что если лань побежит дальше, то охотникам не останется иного выхода, как, преследуя животное, сделать небольшой крюк.

Собаки до сих пор шли по следу. Несмотря на ухищрения лани, они не должны были сбиться и здесь.

Тибо не просидел на ветке и пяти минут, как показались собаки, а за ними барон Жан, который, несмотря на свои пятьдесят пять лет, возглавлял охоту словно двадцатилетний.

Но только сеньор Жан был в такой ярости, что мы даже не предпримем попытки ее описать. Потерять четыре часа на какую-то несчастную лань и до сих пор видеть перед собой ее копыта! Никогда ранее с ним не случалось ничего подобного.

Он бранил своих людей, он стегал собак и так разодрал шпорами живот лошади, что сочившаяся кровь окрасила в красноватый цвет плотный слой грязи на его гетрах.

Разве что когда охота приблизилась к мосту через речку Урк, барон на какое-то мгновение испытал облегчение: свора шла по следу так плотно, что, когда пересекала мост, хватило бы свисавшего с крупа лошади плаща обер-егермейстера, чтобы накрыть ее полностью.

К несчастью, радость сеньора Жана длилась недолго.

Внезапно, как раз под деревом, на котором засел Тибо, собаки, до этого закатившие такой концерт, что слух барона тешился все больше и больше, как по мановению волшебной палочки потеряли след и мгновенно смолкли.

Тогда Маркотт по приказу хозяина спешил и попытался его разглядеть. Доезжачие присоединились к нему, но поиски были напрасными.

Ангульван, который по-прежнему считал, что нужно дать сигнал и продолжать преследование, подошел к остальным.

Подбадривая криками собак, искали все. И тут, перекрывая шум, раздался громоподобный голос барона.

– Ко всем чертям! – вопил он. – Что, собаки провалились сквозь землю, Маркотт?

– Нет, ваша светлость, вот они. Но здесь след обрывается.

– Как это «след обрывается?» – закричал барон.

– Не знаю, ваша светлость! Я ничего не понимаю, но это так.

– След обрывается? – стоял на своем барон. – След обрывается здесь, в лесу, где нет ни ручья, куда зверь мог ступить, ни скалы, на которую он мог взобраться! Ты сошел с ума, Маркотт!

– Я сошел с ума?

– Да, ты сошел с ума, и это так же верно, как и то, что это не собаки, а старые клячи!

Обычно Маркотт с редким терпением сносил оскорбления, на которые барон был щедр в критические моменты охоты. Но то, что он назвал его собак старыми клячами, вывело доезжачего из себя, и он, выпрямившись во весь рост, пылко воскликнул:

– Как, монсеньор! Старые клячи? Мои собаки – клячи? Те, которые загнали матерого волка после столь ожесточенной погони, что пала даже ваша лучшая лошадь! Мои собаки – старые клячи?

– Да, старые клячи, повторяю еще раз, Маркотт. Только старые клячи могут выбиться из сил спустя несколько часов охоты на лань.

– Ваша светлость! – возразил Маркотт с чувством достоинства и огорчения одновременно. – Ваша светлость, скажите, что это моя ошибка, что я дурак, тварь, бездельник, негодяй, тупица. Оскорбляйте меня, мою жену, детей – мне это безразлично. Но не ругайте меня как первого доезжачего, не оскорбляйте собак – прошу вас ради моих прежних заслуг!

– Тогда скажи, почему они молчат! Говори! Чем ты это объяснишь? Итак, я не хочу ничего другого, только выслушать тебя. Я слушаю.

– Я не могу объяснить этого, ваша светлость, равно как и вы, – разве что проклятая лань взлетела на небеса или провалилась сквозь землю.

– Полно! – отрезал барон Жан. – Наша лань, должно быть, забилась в нору, как заяц, или взлетела в воздух, как глухарь.

– Ваша светлость, на самом деле здесь не обошлось без колдовства. Это так же верно, как и то, что среди белого дня собаки ни с того ни с сего вдруг дружно улеглись. Спросите у каждого, кто был со мной возле них. Сейчас они даже не пытаются взять след. Гляньте, как они валяются на спине, ну прямо олени на отдыхе. Разве это нормально?

– Огрей-ка их, сынок! Огрей же их! – воскликнул барон. – Огрей их так, чтобы шкура слезла! Только так изгоняют злой дух!

Барон приблизился, чтобы пожаловать несколькими ударами кнута бедных животных, которых по его приказанию, изгоняя злых духов, стегал Маркотт, как вдруг Ангульван со шляпой в руках подошел и робко придержал лошадь барона.

– Ваша светлость, – произнес псарь, – я, кажется, только что обнаружил на этом дереве кукушку, которая могла бы нам объяснить, что происходит.

– Какого черта ты приплел какую-то кукушку, ублюдок? – отозвался барон Жан. – Подожди, подожди, шутник, я тебе покажу, как издеваться над господином!

И барон занес кнут. Но Ангульван со стойкостью спартанца поднял руку над головой и продолжил:

– Ударьте, если хотите, ваша светлость, но только взгляните на дерево. И когда ваша милость увидит птичку, которая сидит на ветке, то, думаю, вы скорее одарите меня пистолем, чем наградите ударом кнута.

И доброхот указал пальцем на дуб, где Тибо, услышав, что охотники возвращаются, пытался найти убежище. Он взбирался по веткам и добрался до

верхушки. Сеньор Жан козырьком приставил руку ко лбу, поднял голову и разглядел Тибо.

– Вот так чудеса! – сказал он. – В лесу Виллер-Коттре лани роют норы, как лисы, а люди сидят на ветвях, как вороны. Но наконец-то, – продолжал достойный сеньор, – мы узнаем, в чем дело. – И, приложив руку ко рту, закричал: – Эй, дружище! Может быть, десятиминутный разговор не слишком тебя затруднит?

Но Тибо хранил глубокое молчание.

– Ваша светлость, – сказал Ангульван, – если угодно...

И он показал, что готов полезть на дерево.

– Не надо, не надо, – сказал барон.

Отдав приказание, он подтвердил его движением руки.

– Эй, дружище! – вновь крикнул барон, не узнавая Тибо. – Будь любезен, ответь мне, да или нет? – Он выдержал короткую паузу. – Ах, похоже, что нет. Ты прикидываешься глухим. Погоди же!

И он протянул руку в сторону Маркотта, который, угадывая желание барона, подал ему свой штуцер.

Тибо, пытаясь обмануть охотников, создавал видимость, что обрезает сухие ветви. И делал он это с таким рвением, что не заметил жеста сеньора Жана, а если и видел, то подумал, что это пустая угроза, и не придавал ему надлежащего значения. Барон выждал какое-то время в надежде получить ответ, но, видя, что так его и не дождется, нажал на курок. Раздался выстрел, послышался треск веток.

Это сломалась ветвь, на которой сидел Тибо. Меткий стрелок перебил ее как раз между стволом и ногой башмачника.

Лишенный опоры Тибо покатился вниз. К счастью, дерево было густым, с крепкими ветвями, и это замедлило падение. Перелетая с ветки на ветку,

несчастный наконец очутился на земле – без каких-либо повреждений, кроме незначительных ушибов той части тела, которая первой коснулась земли, и испуга.

– Клянусь рогами его величества Вельзевула! – воскликнул барон Жан, придя в восторг от собственного меткого выстрела. – Это же утренний зубоскал! Вот так пройдоха! Видно, разговор, который ты вел с моим кнутом, показался тебе слишком коротким и ты решил его продолжить с того места, на котором он прервался?

– О, уверяю вас, ваша светлость, вовсе нет, – ответил Тибо самым искренним тоном.

– Тем лучше для твоей шкуры, парень. А теперь скажи-ка мне, что ты делал там, наверху, на дубе?

– Ваша светлость прекрасно видит, – отвечал Тибо, указывая на несколько валявшихся неподалеку веточек, – что я срезал сухие ветки, чтобы протопить печь.

– Так, очень хорошо. А теперь, парень, ты расскажешь, что случилось с нашей ланью, не так ли?

– Черт подери, он должен об этом знать! Ведь он так удачно устроился там, наверху, что не мог пропустить ее, – сказал Маркотт.

– Поверьте, ваша светлость, – сказал Тибо, – я никак не возьму в толк, что вы хотите узнать об этой несчастной лани.

– Нет, вы только полюбуйтесь! – воскликнул Маркотт, довольный тем, что может отыгаться за плохое настроение своего господина на ком-то еще. – Он ее не видел, он не заметил животное, он не знает, что мы хотим узнать об этой несчастной лани! Пожалуйста, ваша светлость, взгляните: вот на листьях следы от ее зубов, а на этом месте остановились собаки, и хотя мы тщательно осмотрели землю, но ни в десяти, ни в двадцати, ни в ста шагах не увидели и следа лани.

– Ты слышишь! – вновь заговорил сеньор Жан, вторя словам первого доезжачего. – Ты сидел наверху, лань была у тебя под ногами. Какого черта! Пробегая, она наделала больше шума, чем какая-то мышь, и не заметить ее было невозможно!

– Он убил ее, – сказал Маркотт, – и спрятал где-то в кустах, это ясно как божий день.

– Ах, ваша светлость! – воскликнул Тибо, который как никто другой знал об ошибке, допущенной первым доезжачим. – Ваша светлость, клянусь всеми святыми рая, я не убивал вашей лани, клянусь спасением моей души, и пусть я умру на месте, если хотя бы оцарапал ее! Да и если бы я ее убил, то не мог же сделать этого, не нанеся хоть какой-нибудь удар, и из раны текла бы кровь. Осмотрите все, господин доезжачий, и, слава богу, вы не найдете ни капли крови. Чтобы я убил бедное животное! Да и чем, господи праведный! Где мое оружие? Слава богу, у меня нет ничего, кроме кривого ножа. Взгляните, ваша светлость.

К несчастью, не успел Тибо сказать это, как появился Ангульван, который какое-то время обшаривал окрестности. В руках он держал рогатину, которую башмачник швырнул в кусты, перед тем как взобраться на дуб.

Он передал оружие сеньору Жану. Решительно, Ангульван был злым гением Тибо.

Глава 3

Анелетта

Барон взял оружие из рук Ангульвана и, не говоря ни слова, долго рассматривал рогатину от острия до ручки.

Потом он показал башмачнику изображение крохотного сабо, вырезанного на рукояти, которое служило Тибо для опознания собственности. Такое сабо было условным знаком участника тур де Франс.

– Ай-ай-ай, господин шутник! – сказал обер-егермейстер. – Вот что неумолимо свидетельствует против вас! Знаете ли вы, что эта рогатина пахнет мясом дьявола, а? Короче говоря, сударь, вот что я скажу: вы занимались браконьерством, а это ужасное преступление, вы поклялись, а это огромный грех; и ради спасения вашей души, которой вы клялись, мы заставим вас принести искупление. – Он повернулся к первому доезжающему: – Маркотт, возьми-ка пару ремней и привяжи этого шутника к дереву, да не забудь снять с него куртку и рубаху. Всыпь ему тридцать шесть ударов португеей по хребту – дюжину за богохульство, две дюжины за браконьерство. Погоди, я ошибся: наоборот, дюжину за браконьерство, две дюжины за клятвopеступление – Господу Богу полагается отдавать большую часть.

Этот приказ был как бальзам на раны для челяди, развеселившейся от мысли, что она хоть на ком-то отыграется за неудачный день.

Вопреки уверениям Тибо, клявшегося всеми святыми, каких только можно было найти в церковном календаре, что он не убивал не только ни единой лани, но и козы, и даже козленка, с башмачника сорвали куртку и крепко привязали его к стволу дерева.

И расправа началась.

Доезжащий стегал так сильно, что хотя Тибо и дал себе слово не проронить ни звука и кусал губы, чтобы сдержаться, но уже на третьем ударе разжал зубы и завопил.

Возможно, сеньор Жан и был самым грубым господином на десять лье в округе, но сердце у него было не злое – все усиливающиеся жалобные крики несчастного причиняли муки и ему.

Однако, поскольку браконьеры становились во владениях его светлейшего высочества все более дерзкими, он не отменил наказания, только решил устраниваться от этого зрелища и натянул поводья лошади, чтобы умчаться прочь.

В ту самую минуту, когда он пришпоривал лошадь, из леса вышла молодая девушка и упала перед ним на колени прямо под ноги лошади. Подняв большие прекрасные глаза, в которых стояли слезы, на сеньора Жана, она произнесла:

– Ваша светлость, во имя Господа милосердного, смилуйтесь над этим человеком!

Сеньор Жан взглянул на девушку.

Это было действительно очаровательное дитя, которому едва минуло шестнадцать лет, с тонкой талией, бело-розовым лицом, большими голубыми ласковыми глазами и венцом светлых волос, таких пышных, что покрывавший ее голову скверный чепец из коричневато-серой материи не мог с ними справиться и они, спадая волнами, выбивались из-под него.

Костюм прелестной просительницы был весьма скромн и сшит из простого материала, что барон Жан сразу же отметил, но поскольку он не пропускал милых мордашек, то ответил очаровательной крестьянке красноречивым взглядом.

Он смотрел на нее молча, удары не прекращались, и она вновь проговорила, сделав еще более умоляющий жест:

– Смилуйтесь, во имя всего святого, ваша светлость! Прикажите своим людям оставить бедняжку в покое, его крики разрывают мне сердце.

– Тысяча повозок зеленых чертей! – воскликнул барон. – Тебя так занимает этот шутник, прекрасное дитя! Разве он тебе родной брат?

– Нет, ваша светлость.

– Двоюродный?

– Нет, ваша светлость.

– Возлюбленный?

– Возлюбленный! Ваша светлость смеется.

– Почему бы и нет? В таком случае, красавица, признаюсь, я завидую ему.

Девушка опустила глаза.

– Я его не знаю, ваша светлость. Я вижу его впервые.

– И видит его вывернутым наизнанку, – осмелился сказать Ангульван, полагая, что это подходящий момент для злой шутки.

– Эй, замолчите! – сердито прикрикнул барон. Затем с улыбкой обернулся к девушке: – В самом деле... Если он не приходится тебе ни родственником, ни возлюбленным, то хотелось бы видеть, как далеко простирается твоя любовь к ближнему. Поэтому принимай мое условие, милашка!

– Какое же, ваша светлость?

– За прощение этого негодяя – один твой поцелуй.

– О! От чистого сердца! – воскликнула девушка. – Выкупить за один поцелуй человеческую жизнь! Я уверена, что даже господин кюре не усмотрел бы в этом греха.

И, не дожидаясь, пока сеньор Жан спешится, чтобы получить то, о чем хлопотал, она сбросила сабо, оперлась крохотной ножкой на носок сапога обер-егермейстера, ухватила рукой за гриву коня и, приподнявшись, подставила под губы ловчего свои круглые щечки, свежие и бархатистые, как пушок персика в августе.

Сеньор Жан уговаривался об одном поцелуе, но поцеловал ее дважды, а потом, верный данному слову, подал Маркотту знак прекратить расправу.

Маркотт скрупулезно считал удары: кнут для двенадцатого уже был в воздухе, когда он услышал приказ барона. Он не счел нужным отвести кнут в сторону – возможно, он думал, что вместо тринадцатого удара лучше было бы дать два простых тумака для ровного счета, но именно этот удар сильнее других опустился на плечи Тибо.

Башмачника действительно сразу же отпустили. В это время барон беседовал с девушкой.

– Как тебя зовут, милочка?

– Жоржина Анеле, ваша светлость, по имени моей матери, но в деревне меня называют просто Анелеттой.

– Черт! Какое ужасное имя Анелетта, «ягненок», – сказал барон.

– Почему же, ваша светлость? – спросила девушка.

– Потому что оно сулит тебе быть отданной волку, красавица. А откуда ты, Анелетта?

– Я из Пресьямона, ваша светлость.

– И ты одна ходишь в лес, дитя мое? Это очень опасно для Анелетты-ягненка.

– Так нужно, ваша светлость. Мы держим трех козочек, они нас с бабушкой кормят.

– И ты приходишь сюда за травой для коз?

– Да, ваша светлость.

– А тебе не страшно совсем одной, такой молодой и красивой?

– Порой, ваша светлость, я не могу сдержать дрожи.

– Отчего же ты дрожишь?

– Как же, ваша светлость! Зимними вечерами рассказывают столько историй о волках-оборотнях, что, когда я сбиваюсь с пути, когда слышу только, как под порывами ветра трещат деревья, по всему моему телу пробегает дрожь и я чувствую, как волосы встают дыбом. Если же я слышу звук вашего рожка или лай собак, то сразу успокаиваюсь.

Ее ответ чрезвычайно понравился барону и, самодовольно поглаживая бороду, он сказал:

– Мы и впрямь ведем с господами волками довольно жестокую войну, но, клянусь Богом, красавица, есть средство избавить тебя от волнений.

– Какое же, ваша светлость?

– Приходи как-нибудь в замок Вез: никогда еще волк – оборотень он или нет – не проникал через его ров или потайной ход... разве что будучи подвешенным на ореховой жерди.

Анелетта покачала головой.

– Нет? Ты не хочешь? Почему же ты отказываешься?

– Потому что там я встретила бы кое с чем пострашнее волка.

Ответ вызвал у барона взрыв хохота, и отряд ловчих, видя, что их господин смеется, начал вторить ему. В самом деле, появление Анелетты вернуло сеньору де Везу хорошее расположение духа, и, возможно, он бы пробыл здесь еще какое-то время, смеясь и беседуя с ней, если бы не Маркотт. Он протрубил отбой, собрал собак и почтительно напомнил господину о том, что впереди еще длинный обратный путь. Сеньор Жан нежно погрозил девушке пальцем и удалился в сопровождении своих людей.

Анелетта осталась наедине с Тибо.

Мы рассказали, что Анелетта сделала для Тибо и какой она была привлекательной.

Но главной мыслью Тибо, когда он остался вдвоем с девушкой, было вовсе не то, что она только что его спасла, – его главной мыслью была ненависть и месть. Как видно, с самого утра Тибо не мог выбраться из замкнутого круга зла.

– А, проклятый сеньор! Если на этот раз дьявол услышит меня... – воскликнул он, показывая кулак удалявшейся свите. – Если на этот раз дьявол услышит меня, я

с лихвой отплату тебе за все мои сегодняшние страдания, увидишь!

– Ах, как отвратительно то, что вы делаете! – произнесла Анелетта, подходя к Тибо. – Барон Жан добрый сеньор, очень человечный с бедняками и всегда любезный с женщинами.

– Замечательно! Сейчас увидите, как я благодарен ему за нанесенные мне удары.

– Однако признайтесь откровенно, приятель, – смеясь, сказала девушка, – что эти удары вы получили не зря!

– Ай-ай-ай! – воскликнул Тибо. – Похоже, поцелуй сеньора Жана свел вас с ума, красавица Анелетта!

– Никогда бы не подумала, что вам вздумается упрекать меня за этот поцелуй, господин Тибо. И все-таки повторю то, что уже сказала: сеньор Жан был вправе это сделать.

– Отколотить меня?

– Именно! Зачем вы охотитесь на землях вельмож?

– Разве дичь принадлежит не всем: и крестьянам, и вельможам?

– Нет. Раз дичь водится в их лесах, кормится их травой, вы не имеете права метать свою рогатину в лань его светлости герцога Орлеанского.

– А кто вам сказал, что я метал в его лань рогатину? – спросил Тибо, с угрожающим видом приближаясь к Анелетте.

– Кто мне сказал? Мои глаза! И предупреждаю вас, господин Тибо, они не обманывают. Да, я видела, как вы метнули рогатину, а потом спрятались за этим буком.

Уверенность, с которой девушка противопоставляла его лжи правду, неожиданно погасила гнев Тибо.

– Ну и ладно, что такого, если бедняку случится однажды полакомиться крошками с барского стола? Вы что же, мадемуазель Анелетта, как и судьи, считаете, что человека следует повесить из-за какого-то несчастного кролика? И почему вы думаете, что Господь Бог создал эту лань для барона Жана, а не для меня?

– Господин Тибо, Господь Бог учит нас не желать добра ближнего; следуйте заповеди Божией, и вам никогда не будет плохо.

– Вот оно что! Выходит, вы меня знаете, красавица Анелетта, раз обращаетесь просто по имени?

– Конечно, знаю. Я помню, что однажды видела вас на празднике в Бурсонне: вас называли превосходным танцором и все становились вокруг вас в круг.

Этот комплимент полностью обезоружил Тибо.

– Да-да, – сказал он, – теперь и я припоминаю, что видел вас. Надо же, тогда на празднике в Бурсонне мы танцевали вместе, но вы не выглядели такой взрослой, как сейчас, вот почему я не сразу вас признал. Да, на вас было розовое платье и красивый белый корсаж, и мы танцевали на молочной ферме. Мне хотелось вас обнять, но вы не позволили, сказав, чтобы я обнимал свою подругу, а не партнершу по танцам.

– Ах! У вас прекрасная память, господин Тибо!

– Анелетта, а вам известно, что за этот год – ведь прошел год! – вы похорошели и повзрослели? Ах! Вы преуспели и в том и в другом!

Девушка покраснела и опустила глаза. Румянец и смущение прибавили очарования ее личику. Тибо принялся рассматривать ее еще внимательнее.

– У вас есть возлюбленный, Анелетта? – спросил он у прекрасной девушки, и в голосе его угадывалось некоторое волнение.

– Нет, господин Тибо, – ответила она, – и никогда не было. Я не могу и не хочу, чтобы он был.

– Что так? Разве любовь – это хулиган, что она вас пугает?

– Нет, но мне нужен вовсе не возлюбленный.

– Кто же тогда?

– Муж.

Тибо сделал жест, который Анелетта не заметила. Или сделала вид, что не заметила.

– Да, – повторила она, – муж. Бабушка стара и слаба, а возлюбленный отвлекал бы меня от ухода за ней. Муж же, если бы я нашла порядочного парня, который захотел на мне жениться, помогал бы мне облегчать ее страдания в столь почтенном возрасте и разделил бы со мною ношу, которую Господь послал мне, чтобы скрасить ее последние дни.

– Но, – сказал Тибо, – позволил бы вам муж любить бабушку больше, чем себя, не ревновал бы из-за нежности, которую вы дарите старой женщине?

– О! – с очаровательной улыбкой подхватила Анелетт. – В этом нет никакой опасности. Я стану уделять мужу столько внимания, что ему не придется жаловаться. Чем нежнее и терпимее он будет к доброй женщине, тем признательнее буду я, тем больше стану трудиться, чтобы в нашем гнездышке было все необходимое. Вы видите, что я худая и хрупкая, и сомневаетесь в моих силах, но я храбрая и трудолюбивая, вот! Когда сердце сказало свое слово, можно работать без усталости дни и ночи напролет. Я бы так любила того, кто полюбит мою бабушку! О, уверяю вас: она, мой муж и я – мы будем очень счастливы втроем.

– Вы хотите сказать, что даже если по-прежнему будете бедны, Анелетта?

– Как? Неужели любовь и дружба богатых на обол дороже любви и дружбы бедных? Когда я ласкаюсь к бабушке, когда она сажает меня на колени, обнимает слабыми, дрожащими руками, когда ее доброе морщинистое лицо прижимается к моему, когда я чувствую, что по ее щекам катятся слезы умиления, то тоже не могу удержаться и плачу. И эти слезы, господин Тибо,

такие легкие и нежные, каких не бывает, уверяю вас, ни у одной госпожи или девицы, будь она королевой или дочерью короля. И это притом, что мы с бабушкой самые обездоленные создания в округе.

Тибо слушал, не отвечая и пребывая в своих мечтах – мечтах, свойственных честолюбцам. Но порой эти честолюбивые мечты прерывались непонятными ему самому приступами удрученности и разочарования.

Он, который часами наблюдал, как по лестницам поднимаются и спускаются прекрасные знатные дамы двора его светлости герцога Орлеанского, он, который ночи напролет заглядывал в стрельчатые окна главной башни замка Вез, сверкавшей праздничными огнями, теперь спрашивал себя, а стоит ли то, к чему он так стремился – благородная дама и роскошное жилище, – жизни под соломенной крышей с этим милым и прекрасным существом, которого люди звали Анелетта-ягненок.

Действительно, эта славная девушка была так мила, что графы и бароны их края, несомненно, позавидовали бы ему.

– Анелетта, а если бы, например, – сказал Тибо, – к вам посватался такой человек, как я, вы бы согласились?

Мы уже говорили, что Тибо был видным парнем: у него были красивые глаза и черные волосы, да и из путешествия по Франции он возвратился не простым рабочим.

Впрочем, быстро привязываешься к людям, сделав им добро, а Анелетта, по всей вероятности, спасла Тибо жизнь, потому что Маркотт бил его так сильно, что несчастный умер бы раньше, чем снес назначенные ему тридцать шесть ударов.

– Да, – ответила она, – если бы он был добр к моей бабушке!

Тибо взял ее за руку.

– Хорошо, Анелетта, – сказал он, – мы вернемся к этому разговору, и в ближайшее же время, дитя мое.

– Как вам будет угодно, господин Тибо.

– Вы клянётесь крепко меня любить, если я женюсь на вас, Анелетта?

– А разве можно любить кого-то другого, кроме мужа?

– Не в этом дело. Мне бы очень хотелось, чтобы вы дали хоть какую-то клятву, что-то вроде: «Господин Тибо, я клянусь не любить никого, кроме вас».

– К чему клятва? Честному парню довольно обещания честной девушки.

– И когда же свадьба, Анелетта? – спросил Тибо, пытаясь обвить рукой талию девушки.

Но Анелетта тихонько высвободилась.

– Приходите представиться моей бабушке, – сказала она, – это ей решать. А сегодня вечером довольствуйтесь тем, что помогите мне уложить собранный вереск. Уже поздно, а мне еще предстоит пройти около лье до Пресьямона.

Тибо помог девушке разместить ветки и проводил ее до ограды Бильмона, то есть до того места, откуда виднелась колокольня ее деревни. И там он так упрашивал Анелетту, что она позволила поцеловать себя в знак будущего счастья.

Смущенная этим единственным поцелуем куда больше, чем двумя поцелуями барона, Анелетта ускорила шаг – несмотря на вереск на голове и на то, что эта ноша выглядела довольно тяжелой для столь хрупкого создания.

Тибо некоторое время провожал взглядом удаляющуюся Анелетту. Прекрасные руки очаровательной девушки, придерживающие ношу на голове, открыли ее талию и, казалось, подчеркнули гибкость и девичью грацию. Ее тонкий силуэт восхитительным образом вырисовывался на фоне неба.

Наконец под восхищенными взглядами Тибо девушка добралась до первых домов селения и неожиданно скрылась за складкой местности.

Башмачник вздохнул и на мгновение погрузился в размышления. Этот вздох вырвался из груди его вовсе не от приятной мысли, что это доброе и очаровательное создание может принадлежать ему.

Нет. Он желал Анелетту, потому что Анелетта была юна и прекрасна, а в ущербной природе Тибо было желать всего, чего мог бы пожелать другой. Он покорился этому желанию под впечатлением сердечности, с которой она разговаривала с ним.

Однако образ Анелетты занимал его ум, но не сердце. Тибо не был способен любить так, как должно, так, как бедняк любит такую же бедную девушку, – ничего не выгадывая, ни о чем не мечтая, кроме как о том, чтобы ему платили за любовь любовью.

Нет, здесь все было наоборот: по мере удаления от Анелетты он словно удалялся от своего доброго гения. Тибо чувствовал, как в душе вновь зашевелились завистливые желания, которым он был столь сильно подвержен.

Он вернулся домой поздно ночью.

Глава 4

Черный волк

Первым делом Тибо позаботился об ужине, хотя и очень устал. За день произошло много неприятного, к тому же голод все острее давал о себе знать.

Ужин был вовсе не таким вкусным, как тот, о котором мечтал Тибо, охотясь за ланью.

Но, как мы уже сказали, лань он так и не убил, а не на шутку разыгравшийся аппетит заставлял его ощущать вкус ее мяса в краюшке черного хлеба.

Едва Тибо приступил к скудной трапезе, как услышал, что коза – кажется, мы упоминали, что у него была коза, – отчаянно заблеяла.

Он подумал, что она уже кричала после ужина и, взяв под навесом охапку свежей травы, понес ей.

Как только он открыл дверь стойла, коза выскочила так стремительно, что едва не сбила хозяина с ног. И, не остановившись перед кормом, который ей принес Тибо, помчалась к дому.

Тибо бросил сено и пошел за животным, чтобы возвратить ее в стойло. Но это было совершенно невозможно. Ему пришлось применить силу, но всем его усилиям бедное животное сопротивлялось так отчаянно, как это могла делать только коза: она пятилась и упиралась, приседая на задние ноги, а башмачник пытался тащить ее за рога.

Побежденная в этой борьбе коза в конечном итоге была водворена в стойло. Но, несмотря на обильный корм, который принес Тибо, она продолжала испускать жалобные крики.

Раздраженный и не на шутку заинтересованный башмачник во второй раз оторвался от еды и осторожно открыл стойло, чтобы коза не могла прошмыгнуть снова.

Затем он принялся шарить руками по всем уголочкам и закоулочкам, чтобы понять, что могло так ее напугать. И вдруг его пальцы нащупали густой теплый мех какого-то животного.

Тибо не был трусом, но и он растерялся. Он резко отступил назад, вернулся в дом, взял лампу и снова пришел в стойло.

Лампа едва не выпала у него из рук, когда он признал в животном, так напугавшем козу, лань барона Жана: ту самую, которую он преследовал, которую потерял, которой так хотел завладеть именем дьявола, если не вышло сделать это именем Бога, лань, которую не смогли взять собаки и которая в конце концов стоила ему стольких побоев.

Предварительно убедившись, что дверь плотно закрыта, Тибо тихонько подошел к ней.

Бедное животное либо устало, либо было совсем ручным, потому что не сделало даже попытки убежать и только смотрело на Тибо своими большими черными бархатными глазами, от испуга еще более выразительными.

– Наверное, я оставил дверь открытой, – пробормотал башмачник, обращаясь к самому себе, – и лань, не зная, где бы спрятаться, прибежала сюда.

Но, порывшись в памяти, Тибо отчетливо вспомнил: когда он открывал дверь стойла минут десять назад, деревянный засов на двери был так плотно задвинут, что пришлось камнем выбивать его из паза.

Впрочем, создавалось впечатление, что коза вовсе не была рада новой соседке и охотно воспользовалась бы случаем снова сбежать, будь дверь открыта.

Осматривая лань, Тибо обнаружил, что она привязана веревкой за решетку для сена.

Хотя, как мы уже говорили, башмачник был не робкого десятка, холодный пот выступил крупными каплями у него на лбу, по телу пробежала дрожь, а зубы застучали, выбивая дробь.

Он вышел из стойла, запер дверь и отправился на поиски козы, которая, воспользовавшись моментом, вновь сбежала и теперь лежала в углу возле очага, всем своим видом говоря, что на этот раз твердо решила не покидать место, которое – по крайней мере, сегодня вечером – предпочла своему обычному крову.

Тибо прекрасно помнил о кощунственном желании, обращенном к сатане. Признавая же, что это желание невероятным образом осуществилось, он все-таки не мог поверить в дьявольское вмешательство.

Покровительство духа тьмы внушало ему страх, и он попытался молиться, но лишь только захотел поднести руку ко лбу и сотворить крестное знамение, как рука отказалась сгибаться, и хотя до сих пор он молился каждый день, сейчас не

мог вспомнить ни единого слова из молитвы Богородице.

Когда же бедный Тибо еще дважды тщетно попытался перекреститься, в его мозгу все невероятным образом смешалось.

Недобрые мысли приходили в таком количестве, что ему казалось, будто он слышит, как они шепчут ему прямо в ухо, – как бывает слышен гул нарастающего прибоя или треск веток, когда зимний ветер гуляет по лишенным листвы деревьям.

– В конце концов, – пробормотал он с побледневшим лицом и остановившимся взглядом, – какая разница, кто послал эту лань – Бог или дьявол! Это чудесное приобретение, и я был бы последним дураком, не подставь полу одежды, когда с небес падает манна. Если я боюсь, что эта старая коза окажется мясом из преисподней, то ничто не обязывает меня ее есть. Впрочем, я и не смогу съесть ее в одиночку, а те, кого мог бы пригласить, выдадут меня. Но я могу отвести ее в женский монастырь, что в Сен-Реми, и матушка настоятельница, чтобы потешить монашек, купит ее у меня за достаточно высокую цену. Воздух святых мест ее очистит, а горсть благословенных эрю, которые я выручу, не станут угрозой для спасения души. Сколько же дней мне не нужно будет потеть за работой и крутить сверло, что заработать четверть того, что я получу без особого труда, лишь отведя животное в его новый дом! Определенно, лучше пусть вам покровительствует дьявол, чем ангел небесный, который вас оставил. Если же сатана захочет завести меня слишком далеко, то всегда будет время вырваться из его когтей. Я не ребенок, черт побери! И не ягненок! Я умею видеть путь и идти, куда хочу.

Несчастный, который претендовал на то, что умеет различать путь и идти, куда хочет, забыл, что каких-то пять минут назад ему не удалось донести руку до лба.

Тибо привел самому себе столько верных и убедительных доводов, что решил оставить лань, кем бы она ни была послана, а еще – истратить деньги, которые он выручил бы, на покупку свадебного платья невесте.

Ибо его память совершила неожиданный поворот и возвратила мысли к Анелетте.

Он видел ее в длинном белом платье, с венком из белых лилий и с длинной фатой на голове.

Ему казалось, что если в доме будет такой милый ангел-хранитель, то дьявол, каким бы сильным и хитрым он ни был, никогда не осмелится переступить его порог.

– Хорошо! – сказал он. – Вот и еще одно средство: если сатана будет слишком мне досаждать, я быстренько пойду к бабушке Анелетты, попрошу руки ее внучки, женюсь и, если вдруг не вспомню молитв и не смогу перекреститься, у меня будет славная женушка, никак не связанная с сатаной, которая все это будет за меня делать.

Остановившись на таком своеобразном компромиссе и дабы лань не потеряла в цене и была по-прежнему достойна святых женщин, которым он рассчитывал ее продать, Тибо, немного прибодрившись, пошел пополнить стойло сеном и убедиться, что подстилка достаточно толстая и животному мягко лежать.

Ночь прошла без новых происшествий и даже без дурных снов.

На следующее утро сеньор Жан вновь отправился на охоту.

Только на этот раз вовсе не робкая лань водила собак – это был волк, которого Маркотт встретил накануне и которого ему удалось этим утром выгнать из укрытия.

Это был настоящий волчище.

Должно быть, ему было очень много лет, но когда его увидели при подъеме, то с удивлением заметили, что он полностью черный.

Но каким бы он ни был – серым или черным, – он был дерзок, изворотлив и обещал, что свите барона Жана придется изрядно попотеть.

Его атаковали около Вертфейя, в низине Даржан, он пересек поле в Метаре, обошел Флери и Дампле слева, пересек дорогу в Ферте-Милоне и прибежал отбиваться в низины Ивора.

Здесь, решив не продолжать первоначальный путь, он устроил неразбериху, вернулся на прежнюю дорогу и пошел по своим же следам, так точно следуя уже пройденным путем, что барон Жан видел отпечатки копыт своего коня, оставленные утром.

Вернувшись в округ Бур-Фонтэн, волк прочесал его во всех направлениях и завел охотников прямо в то место, откуда накануне начались их злоключения, а именно к хижине башмачника.

Тибо, приняв решение, о котором было сказано, намеревался вечером нанести визит Анелетте, а пока с утра пораньше принялся за работу.

Вы спросите, почему, вместо того чтобы приниматься за работу, которая приносила столь скромный доход, Тибо не повел лань к монашкам в Сен-Реми.

Все-таки он поостерегся это сделать. Среди белого дня он никак не мог пересечь лес Виллер-Коттре с ланью на веревке. Что бы он сказал первому же встретившемуся леснику?

Нет, Тибо рассчитывал выйти из дома в сумерках, пройти по дороге справа, потом по просеке Саблоньер и выйти по дороге, ведущей в Пандю, в долину Сен-Реми, в двухстах шагах от монастыря.

Как только Тибо услышал отдаленные звуки рожка и лай собак, он поспешил набросать перед дверью стойла, в котором была заперта его пленница, огромную кучу сухого вереска, чтобы скрыть эту дверь от взглядов доезжачих и их господина, если, как и накануне, они случайно окажутся возле его хижины.

Потом он вернулся к своему занятию и работал с усердием, которого никогда ранее в себе не замечал, даже не поднимая глаз от сабо, которые отделявал с внешней стороны.

Вдруг ему показалось, что кто-то скребется в дверь хижины. Он собрался было выйти из-под навеса и открыть, но в это время дверь поддалась и, к невероятному изумлению Тибо, в комнату на задних лапах вошел огромный волк.

Дойдя до середины жилища, он уселся по-волчьи и уставился на башмачника.

Тибо схватил оказавшийся под рукой топор, чтобы достойно встретить странного посетителя, и помахал им над головой, чтобы припугнуть гостя.

На волчьей морде отразилось нечто вроде усмешки, и он засмеялся.

Тибо впервые слышал, как смеются волки. Люди рассказывали, будто волки лают, как собаки. Но он никогда не слыхивал, чтобы говорили, что они смеются, как люди.

Да еще как смеются!

Человек, смеющийся, как этот волк, порядком напугал бы Тибо.

Башмачник опустил занесенную руку.

– Клянусь господином с раздвоенным копытом, – произнес волк звучным голосом, – вот храбрец, по просьбе которого я послал ему самую красивую лань лесов его королевского величества и который в знак благодарности хочет раскрыть мне череп ударом топора: воистину человеческая благодарность может соперничать с волчьей!

При звуках голоса, похожего на его собственный, но исходящий из глотки зверя, колени Тибо задрожали, а топор вывалился из рук.

– Послушай, – продолжал волк, – будем благоразумны и поговорим как два добрых друга. Вчера ты пожелал убить лань барона Жана, и я привел ее тебе прямо в стойло, а опасаясь, что она убежит, собственноручно привязал ее к решетке – кажется, это стоит большего, чем удар топора.

– Я вас знаю? – спросил Тибо.

– А! Так ты меня не узнал, вот в чем дело.

– Я обращался к вам, но мог ли предположить, что под такой гадкой шкурой – друг?

– Гадкой! – произнес волк, до блеска вылизывая шкуру красным как кровь языком. – Вот зараза! Ты несносен. Впрочем, речь не о моей шкуре. Так ты намерен признать услугу, которую я тебе оказал?

– Разумеется, – сказал башмачник в некотором замешательстве, – но мне хотелось бы знать ваши требования. О чем идет речь? Чего вы желаете? Говорите.

– Для начала стакан воды, потому что эти проклятые собаки совершенно меня загоняли.

– Секундочку, господин волк.

И Тибо побежал зачерпнуть свежей, прозрачной воды из источника, протекавшего в десяти шагах от хижины. Подобной поспешностью он подчеркивал, насколько счастлив так дешево расплатиться за оказанную услугу. Отвесив глубокий поклон, он поставил миску с водой перед волком. Тот с наслаждением вылакал содержимое миски и вытянулся на полу, сложив лапы, словно сфинкс.

– А теперь, – сказал он, – послушай меня.

– Еще что-то? – спросил Тибо, дрожа всем телом.

– Черт возьми! И очень срочно, – ответил черный волк. – Ты слышишь лай собак?

– Конечно! Да, я слышу, как они лают. Они приближаются и через пять минут будут здесь.

– Хорошо. Мне нужно от них отделаться.

– Отделаться от них? Но как? – воскликнул Тибо, которому живо припомнилось, чем он накануне заплатил за вмешательство в охоту барона Жана.

– Как! Посмотри, поищи, придумай что-нибудь!

– У барона Жана очень злые собаки, и то, о чем вы просите, сеньор волк, – это спасти вам жизнь, потому что, предупреждаю, если они до вас доберутся, то моментально разорвут на части. Но если я вас все-таки избавлю от такой неприятности, – добавил Тибо, чувствуя, что берет верх, – какова будет награда?

– Как? Награда тебе? А лань? – переспросил волк.

– А вода? – возразил Тибо. – Мы квиты, дружище волк. Теперь, если хотите, поговорим кое о чем другом, я не против.

– По рукам! Чего ты от меня хочешь? Говори быстро.

– Есть люди, – ответил Тибо, – которые воспользовались бы своим и вашим положением и потребовали чего-то сверх меры: сделать их богатыми, могущественными, знатными... Да откуда мне знать, чего еще! Я не последую их примеру. Вчера я пожелал лань – и вы мне ее дали, это чистая правда, но завтра я пожелаю еще чего-нибудь... С некоторых пор мною овладела страсть чего-либо желать, а у вас не всегда будет возможность тратить время на то, чтобы выслушать меня. Поэтому сделайте одну вещь: наделите меня... ведь вы же дьявол или кто-то в этом роде... наделите меня даром видеть, что исполняется все, чего я только ни пожелаю.

Волк скорчил насмешливую гримасу.

– Только и всего? – спросил он. – Конец не вяжется с началом.

– О! – воскликнул Тибо. – Будьте покойны, мои желания честны и умеренны, какими они только и могут быть у такого бедного крестьянина, как я: скромный клочок земли, несколько жалких вязанок дров – вот и все, чего может желать человек моего круга.

– Я бы с удовольствием выполнил то, о чем ты просишь, но это не в моих силах.

– Ну что ж, тогда придется отдать вас этим ужасным псам.

– Ты выдвигаешь требования, потому что думаешь, что я в тебе нуждаюсь?

– Я не просто думаю, я в этом уверен.

– Хорошо, смотри.

– Куда? – спросил Тибо.

– Туда, где я был, – ответил волк.

Тибо отступил на два шага. На том месте, где только что лежал волк, было пусто. Волк исчез неизвестно куда и непонятно как! Место, на котором он лежал, было совершенно таким же, как раньше. На потолке не было щелочки, через которую прошла бы даже иголка, в полу не было трещины, через которую просочилась бы капля воды.

– Ну что, ты по-прежнему думаешь, будто я не могу найти выход из положения без тебя? – раздался голос волка.

– Где же вы, дьявол?

– А! Раз ты называешь меня настоящим именем, – сказал с насмешкой голос, – то я просто обязан сразу же ответить. Я все там же.

– Но я вас не вижу!

– Это потому, что я невидим.

– Но и собаки, и доезжачий, и сеньор Жан все равно будут искать вас здесь?

– Без сомнения! Только не найдут.

– Но если они не найдут здесь вас, то примутся за меня.

– Конечно. Только вчера ты был приговорен за похищение лани к тридцати шести ударам ремнем, а сегодня за похищение волка тебе назначат семьдесят два, и здесь не будет Анелетты, чтобы выручить тебя за поцелуй.

– Уф! Что я должен сделать?

– Живо отвяжи лань. Собаки запутаются в следах и получат кнута вместо тебя.

– Но разве такие чуткие гончие могут ошибиться настолько, чтобы принять запах лани за запах волка?

– Это мое дело! – ответил голос. – Только не теряй времени, а то собаки окажутся здесь раньше, чем ты добежишь до стойла, а это было бы неприятно – не для меня, меня они не найдут, а для тебя, ведь тебя-то они обнаружат.

Тибо не нужно было повторять дважды. Он уже мчался в стойло.

Он отвязал лань, и она, словно выпущенная из лука стрела, обежала вокруг дома, повторив путь волка, и исчезла в лесосеке Безмона.

Собаки были в ста шагах от хижины.

Тибо с тревогой прислушивался к их лаю.

И вот вся свора гавкает уже у двери.

Затем два-три голоса стали удаляться в сторону Безмона и увели с собой всю свору.

Собаки взяли след.

Они напали на след лани.

Они потеряли след волка.

Тибо вдохнул полной грудью и, видя, что свора удаляется все дальше и дальше, возвратился в комнату под веселый сигнал погони – это барон трубил во всю мощь.

Черный волк преспокойно лежал на прежнем месте, и было совершенно непонятно, как он сначала вышел, а сейчас вошел.

Глава 5

Договор

Тибо остановился на пороге, ошеломленный этим повторным появлением.

– Итак, мы говорили о том, – как ни в чем не бывало продолжал волк, – что я не могу наделить тебя способностью получать все то доброе, что ты пожелаешь.

– Получается, мне нечего от вас ожидать?

– Почему же! Я могу сделать так, чтобы сбывалось все плохое, что ты пожелаешь ближнему.

– Допустим! Но какой мне от этого прок?

– Простак! Некий моралист сказал: «В несчастье нашего ближайшего друга всегда есть нечто приятное нам».

– Это сказал волк? Не знал, что волки бывают моралистами.

– Нет, это сказал человек.

– Его повесили?

– Нет, его назначили губернатором провинции Пуату. Действительно, в этой провинции много волков. А ведь если в несчастье ближайшего друга всегда есть нечто приятное, то представь, сколько радостного можно обнаружить в несчастье злейшего врага!

– Что-то в этом есть, – согласился Тибо.

– Не считая того, что всегда можно воспользоваться несчастьем ближнего, будь он друг или враг.

– Вы правы, сеньор волк, честное слово, – ответил Тибо, подумав несколько секунд. – И в обмен на что вы окажете мне эту услугу? Ты – мне, я – тебе, ведь так?

– Да. Всякий раз, когда ты задумаешь желание и оно не будет касаться твоей выгоды, я хочу получать крохотную частичку тебя.

– Ого! – воскликнул испуганный Тибо, невольно делая шаг назад.

– О! Будь спокоен, я не потребую фунт твоей плоти, как поступал один мой знакомый еврей со своим должником.

– Что же вы тогда хотите?

– Одну волосинку за первое желание, две за второе, четыре за третье и так далее, каждый раз удваивая количество.

Тибо засмеялся.

– Если речь идет только об этом, мессир волк, – сказал он, – то я согласен. И я постараюсь желать что-нибудь хорошее, тогда мне никогда не придется носить парик. По рукам!

И Тибо протянул руку. Черный волк поднял лапу, но не подал ее Тибо.

– В чем дело? – спросил башмачник.

– Я подумал, что у меня острые когти и я могу, сам того не желая, больно поцарапать тебя. Но я вижу способ, как заключить сделку без каких-либо неприятностей. На тебе серебряное кольцо, а у меня золотое – меняемся. Сам видишь, сделка тебе выгодна.

И волк показал лапу, на безымянном пальце которой среди шерсти действительно поблескивало кольцо из золота высшей пробы.

– Ах! – сказал Тибо. – Я согласен.

Обмен кольцами состоялся.

– Прекрасно, – сказал волк, – вот мы и обручены.

– Ох! – воскликнул Тибо. – Обручены, мессир волк. Шут возьми! Как вам это удастся!

– Узнаете потом, мэтр Тибо. А теперь берись вновь за работу, а я возьмусь за свою.

– Прощайте, сеньор волк.

– До свидания, Тибо.

Не успел волк произнести слова «до свидания», на которых сделал ударение, как исчез, словно щепотка пороха, к которой поднесли огонь, и так же, как щепотка пороха, оставил после себя запах серы. Тибо на какое-то мгновение опешил. Выражаясь театральным языком, он не привык к такому способу покидать сцену. Он осмотрелся по сторонам – волка нигде не было. На мгновение башмачник подумал, что это обман зрения. Но, опустив глаза, увидел на безымянном пальце правой руки дьявольское кольцо. Тибо снял его с пальца и внимательно осмотрел. Ему показалось, что на внутренней стороне кольца выгравирован вензель, и он разглядел две составляющие его буквы Т и С.

– Ой-ой-ой! – воскликнул он, обливаясь холодным потом. – Тибо и сатана, имена двух сторон, заключивших договор. Час от часу не легче! Когда отдаешься дьяволу, нужно отдаваться от всего сердца.

И Тибо, чтобы как-то развеяться, затянул песню. Но голос зазвучал так странно, что напугал его самого.

Пришлось замолчать, и, чтобы отвлечься, он принялся за работу. Но на третьем или четвертом ударе резца по сабо он услышал, как вдали, со стороны Безмона, вновь залаяли собаки и заиграл рожок барона.

Тибо прервал работу и прислушался.

– Гоняйся, дорогой сеньор, – сказал он, – гоняйся за своим волком! Но я уверен, что лапу его тебе не прибавить на воротах твоего замка. Славненько! Дивная удача! Вот я и стал почти волшебником. Ты пока ни о чем не догадываешься, мой почтенный арендодатель кнутов, а только от меня зависит, как распорядиться твоей судьбой и сполна отомстить за себя.

На этой мысли Тибо внезапно остановился.

– Погоди-ка, – сказал он, – а что, если я и впрямь отомщу этому проклятому барону и мэтру Маркотту? Ба! Всего за одну волосинку я вполне могу исполнить это желание.

Тибо запустил руку в свою густую, шелковистую шевелюру, роскошную, как львиная грива.

– Полно! – воскликнул он. – У меня остается еще столько волос, что просто смешно жалеть об одном волоске. Кстати, таким образом можно убедиться, что мой приятель дьявол не издевался надо мной. Итак, я желаю, чтобы с сеньором Жаном произошло несчастье, а что до этого негодяя Маркотта, который жестоко отстегал меня вчера, то, полагаю, было бы справедливо, если бы с ним случилось что-нибудь и похуже.

Произнося это двойное пожелание, Тибо крайне волновался. Хотя он и видел могущество черного волка, но опасался, как бы тот не злоупотребил его доверием. К тому же он не мог вновь приняться за работу. Взявшись за лезвие, он порезал пальцы о резец, а пытаясь подправить пару сабо по двенадцать су, испортил их.

Пока Тибо, трясая окровавленной рукой, сожалел о непоправимом, со стороны долины послышался сильный шум.

Он выбежал на дорогу, ведущую в Кретьяннель, и увидел кортеж всадников.

Это были доезжачие и псари сеньора де Веза.

До Кретьяннеля около трех четвертей лье пути. И у Тибо было время, чтобы разглядеть этих людей, которые, как ему показалось, двигались медленно и торжественно – подобно траурной процессии.

Когда они оказались не более чем в пятистах шагах, Тибо заметил двое носилок. На них покоились неподвижные тела – сеньора Жана и его доезжачего Маркотта.

У башмачника на лбу выступил холодный пот.

– Ой-ой-ой! – воскликнул он. – Что же это?

А случилось вот что.

Пока лань была в укрытии, идея, которой воспользовался Тибо, чтобы сбить со следа собак, давала хороший результат.

Но, поворачивая со стороны Маролля, животное помчалось по зарослям вереска и очутилось в десяти шагах от сеньора Жана.

Вначале барон решил, что это собачий лай поднял лань. Но тут он увидел, как позади него примерно в ста шагах несется вся свора. Все сорок собак мчались, тявкали и гавкали: одни – басом, наподобие больших церковных колоколов; другие – резко, как барабаны; третьи – фальцетом, как расстроенные кларнеты. Они лаяли во всю глотку, задорно и радостно, словно и не слышали запаха другого животного.

Сеньора Жана охватило такое бешенство, что гнев Полишинеля показался бы лишь жалким его подобием.

Барон уже не кричал, а ревел. Он уже не бранился, а проклинал.

Он уже не довольствовался тем, что хлестал собак кнутом, а топтал их копытами своего коня, беснуясь в седле, как дьявол в святом месте.

Проклятия же адресовались первому доезжающему, которого сеньор Жан обвинял в глупости, никак не меньше.

На этот раз бедняге Маркотту нечего было сказать в свое оправдание – он очень стыдился поведения своих подопечных и боялся гнева господина. И решил сделать все, что только в человеческих силах, чтобы исправить промах собак и успокоить гнев барона.

Вот почему он пустил лошадь галопом по лесу к просеке, крича во все горло:

– Назад, псы! Назад!

Он раздавал налево и направо такие сильные удары кнутом, что каждый из них оставлял след на шкуре бедных животных. Но напрасно он это делал – кричал и стегал, собаки только свирепели.

Вероятно, они узнали вчерашнюю лань и их задетое за живое самолюбие требовало реванша. Тогда Маркотт принял отчаянное решение переправиться через речку Урк, рядом с которой они находились и где разворачивалась или, по крайней мере, должна была развернуться травля. Перегнувшись на один бок, доезжачий стегал собак, чтобы заставить их перебраться на другой берег, и одновременно надеясь рассеять свору. Он направил коня в сторону речки, и тот одним прыжком оказался на середине потока. Но, как мы уже говорили, после дождей вода в реке поднялась очень высоко – к несчастью, лошадь не смогла удержаться на плаву, несколько раз перевернулась и ушла под воду.

Маркотт, поняв, что коня не спасти, хотел спрыгнуть и переплыть реку, но его ноги были так плотно обхвачены стремями, что он не смог высвободить их и через несколько секунд вслед за лошадью скрылся под водой.

В это время барон со своими людьми выехал на берег, и когда он понял, в каком критическом положении находится доезжачий, его гнев превратился в отчаяние.

Сеньор де Вез искренне любил тех, кто служил ему в его развлечениях, – как людей, так и животных.

Он закричал изо всех сил:

– Разрази вас гром! Спасайте Маркотта! Двадцать пять, пятьдесят, сто луидоров тому, кто ему поможет!

Люди наперегонки прыгали в воду, как испуганные лягушки.

Барон и сам направил было лошадь в реку, но его удержали и проявили при попытке помешать достойному сеньору совершить героический поступок столько усердия, что свидетельство преданности хозяину стоило жизни несчастному доезжающему.

О нем на какую-то минуту забыли, и этого оказалось достаточно, чтобы потерять Маркотта.

Он еще раз вынырнул на повороте реки, забил по воде руками, приподнялся над водой и в последний раз крикнул:

– Назад, псы! Назад!

Вода, попав ему в рот, поглотила последний слог последнего слова, а спустя всего четверть часа его тело обнаружили на маленькой песчаной отмели, куда его прибило течением.

Маркотт был мертв.

Этот несчастный случай имел самые пагубные последствия для сеньора Жана. Будучи дворянином, он не чурался доброго вина, а это вызывало приливы крови к голове.

Потрясение же, которое он испытал, увидев труп своего слуги, было настолько сильным, что кровь, приливая с большой силой к мозгу, вызвала апоплексический удар.

Тибо был поражен тем, с какой скрупулезностью черный волк выполнил свое обещание. Не без содрогания он думал о пунктуальности, которую мэтр Изенгрин был вправе требовать в обмен на собственную.

Потом башмачник с волнением спросил себя, довольно ли будет приятелю-волку нескольких волосинок, хотя в тот момент, когда он загадывал желание и в течение нескольких последующих секунд, то есть когда оно исполнялось, не почувствовал, чтобы с кожей головы что-то происходило, – ни малейших ощущений.

Смерть Маркотта вызвала у него довольно скверное чувство. Честно говоря, он никогда особо не любил беднягу и полагал, что для этого имеются основания, но его неприязнь к покойному никогда не доходила до того, чтобы желать ему гибели, и волк явно преувеличил его пожелания.

Правдой было и то, что Тибо недостаточно точно обозначил желаемое, тем самым предоставив злему умыслу волка неограниченную свободу.

Башмачник пообещал себе в будущем более точно выражать свою волю, а кроме того – быть более сдержанным в желаниях.

Что касается барона, то он не был мертв, но и лучше ему не стало.

С того момента, когда сеньор де Вез был словно молнией сражен желанием Тибо, он так и не пришел в себя.

Барона уложили на свежем воздухе на кучу вереска, которую башмачник натаскал, чтобы скрыть дверь стойла, а его люди в полном смятении перевернули весь дом в поисках хоть чего-нибудь, что могло бы вернуть их доброго господина к жизни. Один спрашивал уксус, чтобы растереть виски; другой – ключ, чтобы подложить под спину; этот – дощечку, чтобы постучать по ладоням; тот – серы, чтобы поджечь под носом.

Среди этих голосов, молотивших всякий вздор, вдруг послышался крик коротышки Ангульвана:

– Клянусь селезенкой Бога! Нам нужно совсем не это. Нужна коза. Ах, была бы у нас хоть одна коза!

– Коза? – переспросил Тибо, который был вовсе не против увидеть барона Жана выздоровевшим, что сняло бы с его души половину тяжести и одновременно спасло бы бедную хижину от разорения. – Коза? У меня есть коза!

– Правда? У вас есть коза? – воскликнул Ангульван. – Друзья мои, наш дорогой господин спасен!

И Ангульван в восторге бросился на шею Тибо, повторяя:

– Ведите вашу козу, дружище, ведите вашу козу!

Башмачник отправился в стойло и притащил блявшую козу.

– Держите ее покрепче за рога, – велел низкорослый псарь, – и приподнимите переднюю ногу.

Помощник ловчего вытащил из футляра маленький ножик, который носил за поясом, и стал тщательно точить его на круге, где Тибо затачивал инструменты.

– Что вы собираетесь делать? – спросил башмачник, озабоченный этими приготовлениями.

– Как, – сказал Ангульван, – разве вы не знаете, что в сердце козы есть маленькая крестовидная кость, которая, если ее истолочь в порошок, помогает при приливах крови?

– Вы хотите убить мою козу! – воскликнул Тибо и выпустил из рук и рога, и ноги бедного животного. – Но я вовсе не хочу этого!

– Фу! – сказал Ангульван. – То, что вы говорите, нехорошо, господин Тибо! Как вы можете проводить параллель между жизнью нашего доброго сеньора и какой-то несчастной козы? Мне за вас просто стыдно.

– Вы судите со своей колокольни. А эта коза – мое единственное состояние, все мое добро. Она дает молоко, и я к ней привязан.

– Ах, господин Тибо! Похоже, вы не совсем понимаете, о чем говорите, и, к счастью, сеньор барон вас не слышит, а то бы он очень огорчился, видя, как из-за его драгоценного здоровья торгуется какой-то скряга.

– Впрочем, – сказал один из доезжачих, злорадно посмеиваясь, – если мэтр Тибо назначит за свою козу цену, которую его светлость сможет заплатить, то ничто не помешает ему прийти в замок Вез и потребовать оплаты. Ему заплатят, а заодно доплатят то, что задолжали по вчерашнему счету.

На этот раз Тибо не решился призвать на помощь дьявола.

Башмачник только что получил от его светлости сатаны такой урок, что можно было не опасаться, что он в ближайшее время воспользуется его услугами, во всяком случае – не в тот же день.

Итак, в данный момент он был озабочен только одним: не пожелать чего-нибудь плохого никому из тех, кто находился рядом.

Один человек скончался, другой полумертв – урок был убедительным.

В конце концов он отвел глаза от окружавших его угрожающих и насмешливых физиономий, опасаясь, как бы они не вызвали в нем раздражения.

Он отвел глаза, козу зарезали, и о страдании бедного животного свидетельствовало ее жалобное блеяние. Когда коза испустила дух, в ее еще бьющемся сердце выискали косточку, о которой упоминал Ангульван. Ее извлекли, измельчили, смешали с уксусом, в который добавили тринадцать капель желчи, крестом от четок перемешали все в стакане воды, потом лезвием ножа разомкнули зубы сеньора Жана и потихоньку влили микстуру ему в глотку.

Эффект от этого пойла проявился незамедлительно и действительно чудесным образом.

Сеньор Жан чихнул, сел и несколько сдавленным, но вполне внятным голосом потребовал:

– Пить!

Ангильван поднес ему воды в деревянном кубке – семейной реликвии, которой Тибо очень гордился. Но барон лишь омочил губы в отвратительной жидкости, которую ему имели неосторожность преподнести, издал одно из многозначительных «Пуф-ф!» и изо всей силы швырнул кубок о стену, разбив его вдребезги.

Затем звучным и громким голосом, свидетельствовавшим о том, что здоровье возвратилось к нему, закричал:

– Вина!

Один из доезжачих вскочил в седло и помчался в замок Уани, чтобы попросить у местного господина несколько бутылок бургундского.

Через десять минут доезжачий возвратился.

Откупорили две бутылки, и сеньор Жан из-за отсутствия стаканов осушил их огромными глотками прямо из горла. Затем оперся спиной на стену и пробормотал:

– Макон, тысяча семьсот сорок пятый год.

И заснул глубоким сном.

Глава 6

Волос дьявола

Слуги, успокоившись относительно состояния здоровья своего господина, отправились на поиски собак. Они нашли их лежащими и дремлющими в том месте, где земля была окрашена в красный цвет.

Было ясно, что псы загнали, окружили и сожрали лань. Если и было малейшее сомнение в этом, то его рассеяли рога и остатки челюсти – единственные части тела, которые невозможно было разжевать и проглотить.

Выходило, что собаки были единственными, кто в этот день получил удовольствие. Их заперли в стойле, а поскольку барон все еще спал, стали подумывать об ужине. Из ларя башмачника выгребли весь хлеб, зажарили козу и вежливо пригласили Тибо разделить с ними трапезу, за которую он уже некоторым образом заплатил.

Тибо отказался под благовидным предлогом, что в нем еще не улеглось тяжелое впечатление, вызванное смертью Маркотта и несчастьем с бароном.

Он подобрал обломки своего прекрасного кубка, но, убедившись, что бесполезно даже мечтать о том, чтобы починить его, принялся размышлять о том, как бы поскорее покончить со столь недостойной жизнью, которая за два последних дня стала еще невыносимее, чем прежде.

Первая же картинка, которая возникла в его воображении, был образ Анелетты.

Как дети видят во сне прекрасных ангелов, так он видел ее одетой в белое и парящей в голубом небе на больших белоснежных крыльях. Она выглядела счастливой и манила его за собой.

– Кто последует за мной, будет совершенно счастлив! – говорила она.

Но Тибо покачал головой и пожал плечами в ответ прекрасному видению, что означало:

«Да-да, Анелетта, я тебя узнаю, это ты. Но следовать за тобой было хорошо вчера, сегодня же я, как король, повелеваю жизнью и смертью. К тому же я не тот человек, который пойдет на безрассудные уступки любви, родившейся накануне и едва вымолвившей первое слово. Стать твоим мужем, моя бедная

Анелетта, разве это не означает удвоить или даже утроить бремя, под которым и так сгибается каждый из нас, вместо того чтобы освободиться от тяжелых жизненных обстоятельств? Нет, Анелетта, нет! Ты была бы очаровательной любовницей, но женой должен быть кто-то, кто внесет в общее хозяйство свой денежный вклад, равный тому, что я внесу своей властью».

Совість напоминала ему, что между ним и Анелеттой уже существовала договоренность о помолвке. Но он уверял себя, что разрыв помолвки будет только во благо нежному созданию.

– Я честный человек, – шептал он, – и должен пожертвовать собственным удовольствием ради счастья дорогой девочки. Между прочим, она достаточно юная, достаточно привлекательная и мудрая, чтобы выбрать себе лучшую судьбу, чем та, которая ее ожидает, стань она женой простого башмачника.

Вывод из благовидных рассуждений Тибо был таков: пусть бы утренний бриз развеял все нелепые обещания, данные накануне, а обручение, свидетелями которого были лишь трепещущие листочки берез да розовые цветы вереска, забудется.

Кстати, на мельнице в Койолле жила красавица мельничиха, чей образ не был так уж безразличен Тибо, тем более в его новом положении.

Это была молодая вдова двадцати шести – двадцати восьми лет, свежая и упитанная, с хитрым и вызывающим взглядом.

Кроме того, она слыла самой богатой партией в окрестностях, ибо на ее мельницу всегда был спрос, и для Тибо, очевидно, это было куда более выгодно. Хотя в иные времена он никогда не осмелился бы даже грезить о богатой и красивой госпоже Поле.

Именно так звали мельничиху, и вот почему наше перо впервые выводит ее имя.

Та, которую так звали, впервые серьезно завладела умом нашего героя.

Он и сам удивился, почему раньше не подумал о мельничихе, и признался себе, что на самом деле порой думал, но без всякой надежды. Сегодня же, при

покровительстве волка и обладая сверхъестественной силой, которую Тибо уже имел случай испытать, ему показалось совсем несложным отместить всех конкурентов и добиться своего.

Злые языки, правда, болтали, что мельничиха из Койолля злобная и сварливая. Но башмачник подумал, что, имея под рукой самого дьявола, он отнюдь не должен беспокоиться о духе зла – несчастном бесенке, который мог скрываться в теле вдовы Поле. Итак, с наступлением дня решено было отправиться в Койолль, ибо все видения, естественно, посещали его ночью.

Сеньор Жан проснулся с пением первой малиновки и почувствовал себя вполне оправившимся от вчерашнего недомогания. Он поднял своих людей ударами кнута и решил доставить тело Маркотта в замок Вез, но не возвращаться домой не солоно хлебавши, а отправиться поохотиться на кабана, словно ничего необычного с ним вчера не случилось.

Наконец к шести часам утра он покинул жилище Тибо, заверив последнего в своей признательности за радужное гостеприимство, оказанное в бедной хижине ему, его собакам и слугам, в знак чего поклялся забыть о мелких недоразумениях с башмачником.

Можно догадаться, что Тибо без всякого сожаления смотрел на удаляющегося сеньора, его собак и слуг.

После того как все уехали, он несколько мгновений созерцал свое разграбленное жилище, опустошенный ларь, поломанную мебель, пустое стойло, усыпанный осколками пол. Но он сказал себе, что это естественные последствия посещения знатного сеньора, да и будущее рисовалось ему слишком сияющим, чтобы надолго задумываться о происшедшем.

Он снял поношенную одежду, надел все самое лучшее, положил на последний кусок хлеба последний ломтик мяса козы, съел его, запил большим стаканом воды из источника и направился в Койолль.

Тибо вознамерился попытать счастья у госпожи Поле в тот же день.

Итак, он вышел из дома около девяти часов утра. Самая короткая дорога в Койолль шла по краю Уани и Писселе.

Но как могло случиться, что Тибо, знавший лес Виллер-Коттре, как закройщик знает выкроенные им карманы, как могло случиться, что Тибо свернул на дорожку, ведущую в Кретьяннель, что удлиняло путь на добрую половину лье?

Дело в том, что эта дорожка в Кретьяннель приводила его к тому самому месту, где он впервые увидел Анелетту, и пока разум вел его в Койолль, сердце влекло в сторону Пресьямона.

И впрямь, сразу за Ферте-Милон на обочине дороги он заметил красавицу Анелетту, резавшую траву для своих коз. Башмачник мог пройти незамеченным, и это было совсем просто, потому что девушка как раз повернулась к нему спиной. Но бес попутал его, и он пошел прямо к ней.

Она же, наклонившись, жала траву серпом, а услышав, что кто-то приближается, подняла голову, узнала Тибо и покраснела.

Она зарделась, и ее личико расплылось в радостной улыбке. Стало понятно, что этот румянец вовсе не от неприязни к Тибо.

– Ах! – сказала она. – Вот и вы. Этой ночью я все думала о вас и молилась.

Тибо вспомнил, что действительно видел во сне Анелетту, шествующую по небу со сложенными руками, в белом платье и с крыльями, как у ангела.

– А по какому поводу вы думали обо мне и молились за меня, прекрасное дитя? – спросил Тибо с непринужденным видом, какой мог принять только молодой вельможа двора какого-нибудь принца.

Анелетта посмотрела на него большими, небесного цвета глазами.

– Думала потому, что люблю вас, Тибо, – сказала она, – а молилась потому, что видела, что случилось с бароном Жаном и его доезжачим и в каком затруднительном положении из-за этого оказались вы... Ах! Если бы я только поверила сердцу, тут же бы прибежала вам помочь.

– Нужно было прийти, Анелетта. Вы бы застали развеселую компанию, уверяю вас!

– О! И вовсе не ради этого, господин Тибо! Мне хотелось бы помочь вам принять ее. Ой! А что это за кольцо у вас на пальце, господин Тибо?

И девушка указала на кольцо, которое Тибо получил от волка. Башмачник почувствовал, как по его телу пробежала дрожь.

– Это кольцо? – спросил он.

– Да, это кольцо.

Анелетта, видя, что Тибо мешкает с ответом, отвернулась и вздохнула.

– Наверняка подарок какой-то прекрасной дамы, – прошептала она.

– Ах, вот оно что! – подхватил Тибо с уверенностью опытного лгуна. – Вот вы о чем, Анелетта. Это ваше обручальное кольцо: я купил его, чтобы надеть вам на палец в день свадьбы.

Анелетта грустно покачала головой.

– Отчего бы вам не сказать правду, господин Тибо? – спросила она.

– Я и говорю правду, Анелетта.

– Нет.

И она покачала головой еще печальнее.

– Почему вы думаете, что я лгу?

– Потому что кольцо такое большое, что его можно надеть сразу на два моих пальца.

Действительно, палец Тибо был вдвое толще пальца девушки.

– Если оно слишком велико, мы отдадим его уменьшить.

– Прощайте, господин Тибо.

– Как «прощайте»?

– Так.

– Вы уходите?

– Ухожу.

– Почему же, Анелетта?

– Потому что я не люблю лгунов.

Тибо искал объяснений, которые успокоили бы Анелетту, и не мог найти.

– Послушайте, – сказала Анелетта со слезами на глазах, ибо сделала над собой усилие и не ушла, – если кольцо действительно предназначено мне...

– Анелетта, клянусь вам!

– Хорошо, тогда отдайте его мне. Оно будет храниться у меня, а в день нашей свадьбы я верну кольцо, чтобы вы отдали его освятить.

– Ничего лучше и быть не может, Анелетта, – заверил Тибо, – но я хочу видеть его на вашей милой ручке. Вы совершенно правильно упрекнули меня, что оно слишком велико для вас. Я иду сегодня в Виллер-Коттре. Мы хорошенько померяем ваш палец, и я отдам подправить кольцо господину Дюгэ, ювелиру.

Улыбка вновь появилась на губах Анелетты, и слезы на ее глазах высохли. Она протянула свою маленькую ручку Тибо. Тот на секунду задержал ее в своих руках, потом поцеловал.

– О! – воскликнула Анелетта. – Не целуйте мне руку, господин Тибо, она не так красива.

– Тогда дайте что-нибудь взамен.

Анелетта подставила ему лоб. А потом с детской радостью сказала:

– Давайте же посмотрим кольцо.

Тибо снял кольцо со своей руки и, смеясь, хотел было примерить его на большой палец Анелетты. К его немалому удивлению, кольцо оказалось слишком тесным и не могло пройти через вторую фалангу.

– Гляди-ка! – воскликнул Тибо. – Кто бы мог подумать?

Анелетта засмеялась.

– И правда, вот забавно!

Тибо примерил кольцо на указательный палец Анелетты. Кольцо не проходило, как и на большом пальце.

Тогда Тибо примерил на средний. Похоже было, что кольцо все больше сжималось, словно боясь осквернить эту невинную руку.

После среднего Тибо попытался надеть его на безымянный палец – именно на этом пальце он носил его сам. Так же безуспешно, как и на другие!

По мере того как Тибо предпринимал одну попытку за другой, он чувствовал, как дрожит рука Анелетты и как пот градом катится с его лба, словно он выполнял невероятно трудную работу.

Он чувствовал, что за всем этим кроется что-то дьявольское.

Наконец он примерил кольцо на мизинец Анелетты.

Этот мизинец, тонкий и прозрачный, вокруг которого кольцо должно было бы крутиться так же легко, как браслет на пальце Тибо, этот мизинец, вопреки усилиям Анелетты, не смог пройти в кольцо.

– Ах, господин Тибо! – воскликнуло дитя. – Что же это означает?

– Кольцо сатаны, возвращайся к сатане! – воскликнул Тибо.

И он бросил кольцо о скалу, надеясь разбить его.

Кольцо высекло искру, как если бы Тибо ударил каблуком по граниту, отлетело к нему и возвратилось на тот же палец.

Анелетта видела, как странно повело себя кольцо, и с ужасом смотрела на Тибо.

– Ну так что же? – спросил Тибо, пытаясь замаскировать смущение дерзостью. – Так что же?

Анелетта не отвечала, но выглядела все более испуганной. Тибо не понимал, куда она смотрит.

Но вот она медленно подняла руку к голове Тибо и указала на что-то пальцем.

– Ой, господин Тибо! – промолвила она. – Господин Тибо, что это у вас?

– Где? – спросил Тибо.

– Вот! Вот! – проговорила Анелетта, все больше бледнея.

– Да где же, наконец? – воскликнул башмачник, топая ногой. – Скажите, что вы видите.

Вместо того чтобы ответить, Анелетта закрыла глаза руками и, крича от страха, пустилась бежать изо всех сил.

Тибо, потрясенный тем, что произошло, даже не пытался ее догнать. Он остался на месте, молчаливый и озадаченный.

Что же такого ужасного увидела Анелетта? На что она указывала пальцем?

Может быть, это было клеймо, которым Бог отметил первого убийцу?

Почему бы и нет? Разве Тибо, подобно Каину, не убил человека, и разве кюре в последней проповеди не говорил, что все люди братья?

Тибо был в смятении.

Прежде всего нужно было узнать, что так сильно напугало Анелетту.

Тибо пришла мысль пойти в Бур-Фонтэн и поглядеть на себя в зеркало.

Да, но вдруг он действительно помечен роковым знаком и этот знак виден не только Анелетте, но и другим людям!

Нет, следует искать иной выход.

Нужно надвинуть шляпу глубоко на глаза, бегом вернуться в Уани и посмотреть на себя в осколок зеркала. Но это было бы слишком долго.

В ста шагах отсюда протекал прозрачный ручей с кристально-чистой водой, который питал пруды Безмона и Бура.

В нем башмачник мог увидеть свое отражение не хуже, чем в самом изысканном зеркале Сен-Гобена.

На берегу ручья Тибо встал на колени и посмотрел на себя.

У него были прежние глаза, и нос, и рот, на лбу не было никакой отметины.

Тибо вздохнул.

Но все-таки должно же было быть что-то! Ясно, что Анелетта не испугалась бы просто так.

Тибо наклонился ниже к воде. И заметил в волосах нечто блестящее, искрящееся в черных кудрях и спадавшее на лоб.

Он наклонился еще ниже.

И заметил красный волос.

Но волос не обычного красного цвета! Этот цвет не был похож ни на светло-огненный, ни на светло-оранжевый, не было в нем ни оттенка цвета бычьей крови, ни примеси пунцового.

Это был кроваво-красный цвет с оттенком живого пламени.

Не вдаваясь в причины того, как волос столь необычного цвета появился у него на голове, Тибо попытался его вырвать.

Он опустил прядь, в которой алел ужасный красный волос, аккуратно взял его большим и указательным пальцем и с силой дернул.

Волос не поддался.

Тогда Тибо решил, что недостаточно крепко схватил его, и попробовал другой способ.

Он намотал волос на палец и дернул изо всех сил.

Волос порезал кожу на пальце, но не поддался.

Тибо намотал строптивый волос на два пальца и потянул.

Волос приподнял кожу на голове, но не поддался, словно башмачник ввязался в состязание с дубом, раскинувшим над ручьем свои тенистые ветви.

Сначала Тибо подумывал продолжить путь к Койолль, убеждая себя, что, в общем-то, сомнительный цвет волоса не должен расстроить его планы относительно женитьбы.

И все-таки этот несчастный волос не давал ему покоя – он дразнил его, переливался перед глазами тысячами отблесков, подобно тому как мерцает пламя, перебегая с головешки на головешку.

Наконец терпение Тибо лопнуло. Он топнул ногой и воскликнул:

– Тысяча чертей! Я не так далеко отошел от дома и справлюсь с этим проклятым волосом.

Он бегом возвратился домой, вошел в хижину, взял столярные ножницы и, глядя в осколок зеркала, зажал ими волос как можно ближе к корню. Затем наклонился к верстаку и изо всей силы ударил по ручке ножниц.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: <https://tellnovel.com/ru/aleksandr-dyuma/predvoditel-volkov-vampir-sbornik>

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)